

ПЕТР БАРЕНБОЙМ

ТРАКТАТ

О БИБЛЕЙСКОМ НАЧАЛЕ
ФИЛОСОФИИ ПРАВА

МОСКВА, 2012

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ЦЕНТР ФИЛОСОФИИ ПРАВА

ПЕТР БАРЕНБОЙМ

ТРАКТАТ
О БИБЛЕЙСКОМ НАЧАЛЕ
ФИЛОСОФИИ ПРАВА

МОСКВА

2012

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛУМ

УДК 340.12 + 26-24

ББК 67.0 + 67.3

Б24

Петр Баренбойм

Б24 Тракта́т о би́блейском нача́ле филосо́фии пра́ва. —

М.: ЛУМ, 2012 — 116 с.

ISBN 978-5-906072-03-0

Петр Баренбойм является автором книг «3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера» (1996, 2003), «Первая Конституция Мира. Библейские корни независимости суда» (1997) и «Biblical Roots of Separation of Powers» (2005). История Исхода египетских рабов на волю, описанная в Библии, обозначила начало философии права как науки неприятия рабства, ставшего крайней степенью человеческой несвободы. Такой подход был неизвестен древнегреческим философам-рабовладельцам. Вышеуказанные библейские события дают обильный интеллектуальный материал для современной философии права, которая изучает вопросы истоков конституционализма, разделения властей, верховенства права и первичности высших ценностей права перед интересами государства.

Peter Varenboim

Tractatus of the Biblical Beginning of the Philosophy of Law

LOOOM Publishing House. Moscow, 2012 — 116 p.

Peter Varenboim is the author of books “3000 years of the Doctrine of Separation of Powers. Souter Court” (1996, 2003) and “The First Constitution of the World: Biblical Roots of Independent Judiciary” (1997) — in Russian and “Biblical Roots of Separation of Powers” (2005) — in English.

Оформление © ЛУМ/LOOOM, 2012

ISBN 978-5-906072-03-0

ТЕМАТИКА ЭТОЙ КНИГИ ОЧЕНЬ ТРУДНА И ПОЭТОМУ ЕЕ ОЧЕНЬ НЕПРОСТО БЫЛО ЗАВЕРШИТЬ. ТОГДА ПОМОГ МОЙ ДРУГ, ПОСЕЛИВШИЙ НА ВЫХОДНЫЕ В СВОЕМ ЗАГОРОДНОМ ДОМЕ И СОЗДАВШИЙ ВСЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ РАБОТЫ. В КНИЖКЕ О ПРАВОВОЙ РЕФОРМЕ 2007 ГОДА Я ИСПОЛЬЗОВАЛ В КАЧЕСТВЕ ЭПИГРАФА ВЫСКАЗЫВАНИЕ ЕГО ПЯТИЛЕТНЕЙ ДОЧЕРИ СОНЕЧКИ, УСЛЫШАННОЕ МНОЙ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ: «ЗНАЕТЕ, ПОЧЕМУ ВОКРУГ КРЕМЛЯ ТАКИЕ СТЕНКИ? ЧТОБЫ ОТТУДА НЕ РАЗБЕЖАЛИСЬ». СЕЙЧАС Я С УДОВОЛЬСТВИЕМ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ ПОСВЯЩАЮ КНИГУ ЕЕ ОТЦУ,
СЕРГЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ ШИЯНУ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Но когда он сядет на престол царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников левитов. И пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научился бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии. Чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его среди Израиля.

Второзаконие, гл. 17, ст. 18–20

Те, кто не умеет отделять философию от богословия, спорят о том, должно ли Писание служить разуму или, наоборот, разум – Писанию... Кто же, наоборот, делает разум и философию служанкой богословия, тот обязан принять предрассудки древней черни за божественные вещи и занять и ослепить ими ум. Стало быть, и тот и другой будут говорить нелепости: один – без разума, а другой с разумом...

Бенедикт Спиноза

Всякий действительно существенный шаг вперед сопровождается возвращением к началу («изначальность»), точнее, к обновлению начала.

Михаил Бахтин

Философия всегда шла против течения. С большим риском... Философия для того, чтобы вернуться от учений к вещам; чтобы снова вспомнить о раннем; чтобы кончить гадание на словах. Отличие философии от наук: они себя выстраивают, философия призвана разобрать себя как леса после постройки дома.

Владимир Библихин

*«И ты помнишь, как, только одно из морей,
Ты исполнило некогда Божий закон,
Разорвало могучие сплавы зыбей,*

Чтоб прошел Моисей и погиб Фараон», - так писал погибший в 1921 году от рук карательного государства Николай Гумилев в стихотворении «Красное море». Современная философия права должна расступиться как некогда Красное море и осознать в себе философско-правовое учение Ветхого Завета. Чтобы «погиб фараон», которому она нередко и до последнего времени служила. Чтобы перестала действовать формула Монтескье, что в России все всегда рабы по отношению к правителю. Чтобы человеческая свобода не была унижена и угнетена как «фараонами XX столетия» Гитлером, Сталиным, Мао Цзе-Дуном, так и (пусть в ослабевшей форме) в послесталинском Советском Союзе, и послемаоистском Китае. История Исхода египетских рабов на волю, описанная в Библии, обозначила начало философии права как науки неприятия рабства, рассматривавшегося как крайняя степень человеческой несвободы. Такой подход был неизвестен древнегреческим философам-рабовладельцам.

Не забудем, что вопрос рабства стал причиной гражданской войны в США всего 150 лет назад. При этом там рабство обосновывалось законами, принятыми строго в рамках соответствующих процедурных законодательных правил, а затем применялось судами также в строгом соответствии с установленными судебными процедурами. Точно так же принимались и исполнялись законы нацистской Германии и сталинского Советского Союза. Если проигравшие войну немцы частично ответили за бесчеловечность и аморальность своего права, не соответствующего ни библейским и ни каким другим моральным общечеловеческим нормам, то у нас за сталинские и совсем немалые, хотя менее кровавые, послесталинские репрессии не ответил никто. Ни один человек. Все списали на то, что законы принимались государством и их исполняли. Отличались ли гитлеровские, сталинские, андроповско-брежневские политзаключенные от рабов? Почему требование нравственного законодательства (а главное — его нравственного исполнения и применения)

под давлением европейских и ооновских конвенций с таким большим трудом пробивается в сегодняшней России? Почему идея Верховенства не просто права, принятого государством в виде закона, а права, соответствующего критериям высших духовных и нравственных ценностей, Высшего Права¹, не воспринята даже в самой абстрактной форме в российской философии права или теории права? Почему идея негеографического Исхода из традиционного для России государственного рабства, на которое на века ее обрекло почти пророчество Шарля Монтескье, не обсуждается даже как философско-правовая проблема? А идея первоначального создания нравственной системы законодательства для последующего построения на ее основе нравственного государства (или, говоря словами Конституции России, «правового государства») вообще не в ходу. Думается, что это во многом показатель массового невнимания к светскому историческо-научному значению библейских моральных и правовых истин, а также непонимания, что они лежат в основе философии права и самого права.

Как пишет тонкий знаток Библии Евгений Борисович Рашковский, *«мы прорастаем сквозь тысячелетия и тысячелетия прорастают сквозь нас... Для понимания традиционно-восточного мышления, в частности, и мышления библейского, важно помнить, что сложнейшие смыслы, сложнейшие виртуально-логические конструкции даются нам в формах проникновенных мифологических образов, притч, афоризмов, назидательных сопоставлений. И перед лицом всего этого архаического синкретизма перед нами встает неотступная трудность: облечение всех этих восточных «мыслеобразов» (выражение Ю.К. Шуцкого) или «смысло-образов» (Я.Э. Голосовкер) в формы европейского, по существу аналитического дискурса... Да и сама специфическая наглядность, нетеоретичность, взрывная звукозаписная динамика «библиита» как раз и особо ценна для нынешнего всечеловеческого культурного опыта... Рабство синонимично смерти; противление рабству как смерти знаменует собой рубеж неподлинной и подлинно-человеческой реальности,*

¹ Rule According to Higher Law, English Wikipedia.

8 *рубеж пассивного погружения в социальную эмпирику и пророческой одухотворенности как некоей смутной, нечеткой, рискованной, но долговременной и насыщенной стратегии человеческой свободы, рубеж деградации и Искупления, рубеж жизни потерянной и жизни обретенной... Сюжет свободы и рабства (в откровенных и прикровенных формах последнего) как был, так и остается центральным среди сюжетов всечеловеческой саги»².*

Первая фраза этой пространной цитаты была эпиграфом моей книги 2005 года на английском языке «Библейские корни разделения властей»³ и, думаю, помогла ее довольно хорошему приему среди специалистов. Надеюсь, поможет она и сейчас в этом трудном и несколько полемическом объяснении с некоторыми традиционными теоретиками государства и права и философами.

Почему я позволил себе использовать в названии старинное слово «Трактат» (лат. tractatus), означающее научное полемическое произведение? А, собственно, почему у нас не используется этот термин для названий книг? Слишком претенциозен, потому что отвыкли от его использования? Попробую все же рискнуть, поскольку мне неизвестен современный общепринятый термин для полемического научного труда (разве что плохо подходящая к нашей теме «Критика»?).

Форма трактата определяется и не слишком широко известной библейской содержательной хронологией событий, с которых начинается символика и мифология первых ветхозаветных философско-правовых подходов, а именно вокруг них располагается аргументация этой книги:

1. Рабство в Египте показано как невозможная форма нормального человеческого существования (хотя оно явно описано как более мягкое по сравнению, например, с

² Рашковский Е.Б. Шифрограмма истории: к востоковедному прочтению ветхозаветных текстов. Доклад на конференции «“Генном” Востока: опыты и междисциплинарные возможности». М.: Гуманитарий, 2004.

³ Biblical Roots of Separation of Powers. Каталог Библиотеки Конгресса, <http://lcn.loc.gov/2006400578>.

каторжными работами, а в пустыне потом даже вспоминали о приличном качестве питания);

2. Освобождение от рабства осуществилось через вооруженный Исход из-под юрисдикции угнетателей в другие земли с целью основания нового свободного государства;

3. Условием создания этого нового государства являлось принятие и строгое исполнение бывшими рабами законов, включающих защиту морали, справедливости, беспристрастного суда;

4. Моисеем уже в догосударственный период устанавливается судебная система, основанная не на принципе старшинства, как тогда повсеместно было принято, а на подборе способных и моральных людей;

5. Принятие Моисеем решения 40 лет водить народ по пустыне до вымирания последнего раба связано с тем, что он пришел к убеждению, что рабы не способны в полной мере ни воспринять новые законы, ни построить новое свободное государство;

6. Создание нового государства потомками рабов осуществлено без учреждения царской власти и с предоставлением высших полномочий судьям, обеспечивающим единообразие применения законов во всех автономных коленах, а также объединяющим их для отражения внешних военных угроз;

7. Право имеет верховенство и первичность по отношению к государству, поскольку последнее создается только тогда, когда уже приняты правовые нормы.

8. Переход к монархии, с провозглашением судьей ее письменных ограничений, уже заранее сформулированных в догосударственный период.

Все вышеуказанные библейские моменты дают обильный интеллектуальный материал для современной философии права, которая изучает вопросы истоков конституционализма, разделения властей, верховенства права и первичности высших ценностей права перед интересами государства (особенно в анализе соотношения англосаксонской доктрины верховенства права и континентальной доктрины правового государства).

У нас принято вести философию права от Сократа и Платона, неоправданно оставляя философию права Моисея (в любом случае хронологически более раннюю) теологии и философии религии. Я не хочу потрясать никаких основ, но если философия, как у нас понимается, возникла у древних греков, то философия права все-таки возникла до них, если воспринимать философию права именно как светскую науку. Философия права должна быть очищена от чисто религиозных доводов и аргументов, для того чтобы ее правильно воспринимать и не смешивать с какими-то другими философиями. Кроме того, только название науки философии возникло в Древней Греции (и в диалоге Платона «Симпозиум» еще носило очень двойственный смысл), а сама наука (или ее истоки), что уже давно стало общепризнанным в мире, возникла значительно раньше в Вавилоне, в Древнем Египте, в Древней Индии, в Древнем Китае. «Только Египет первым представил достаточные письменные материалы, затрагивающие этические, духовные и моральные аспекты, чтобы называться философией. Это произошла примерно за две тысячи лет до того, как греки под влиянием египтян развили свою собственную философию», — справедливо пишет американский профессор Молефи Асанте⁴.

Если же говорить о так называемой западной философии (историю которой по не имеющей в XXI веке никакого оправдания традиции выдают за всю историю философии), то она уже включает в себя библейские идеи. Западная философия права начинается с Пятикнижия, где, во-первых, и впервые обозначена неразрывная связь права и морали, во-вторых, появились философско-правовые принципы ограничения царской власти и первенства перед ней власти судебной, гарантии прав рабов и ограниченность рабства определенным сроком, а также право рабов на вооруженный Исход из рабства. Как справедливо отметил ректор Московского университета и известный русский философ князь Сергей Трубецкой (1862–1905), «чтобы

⁴ *Molefi Kete Asante*. The Egyptian Philosophers: Ancient African Voices from Imhotep to Akhenaten. Chicago, 2000. Pp. IV–V.

создать действительную философию ветхозаветного откровения, нужно было понять Ветхий Завет из него самого, а не из учений греческих философов»⁵.

Знаменитые греки, которым приписывается начало философии права, и через столетия после оформления последних редакций Пятикнижия даже не приблизились к подобной проблематике, презирая, например, рабов как животных или низшую касту. Древнегреческая философия — это философия праздных рабовладельцев, а философия Пятикнижия — философия борющихся за свободу и достойное существование восставших рабов.

Американский профессор Фред Миллер попытался реконструировать вклад древнегреческой правовой мысли в доктрину Верховенства права. Он увидел его в Правовом кодексе V века до н.э. города Кортин (Cortyn) на острове Крит, состоящем из 3000 слов и предусматривающем, что если кто-то претендует на изменение (contest) статуса свободного человека или раба, то он не может захватить и удерживать его без решения суда. Кроме того, там были установлены сроки для занятия высших городских должностей и предусматривалось, что по окончании срока службы перерыв для следующего назначения не может быть меньше трех лет. Следующий пример взят из Демосфена (384—322), который писал, что согласно законодательству Локрианцев (Locrians) каждый предлагающий принять новый закон должен выступать с петлей на шее. В случае, если его законодательное предложение отвергалось, его немедленно вешали. В Афинах было возможно судебное преследование граждан, предлагающих необоснованные изменения главных законов города, в чем Миллер видит прообраз современного конституционного надзора⁶. Что ж, если петля на шее автора нового законопроекта является для Миллера символической предтечей доктрины Верховенства права, то я, пожалуй, воздержусь от комментария.

⁵ Трубецкой Сергей. Учение о Логосе в Его Истории. М., 2000. С. 175.

⁶ Fred Miller, Jr., The Rule of law in Ancient Greek Thought, in The Rule of Law in Comparative Perspective. Springer, New York, 2010. Pp. 11–12.

Часто в англоязычной литературе стала цитироваться фраза Аристотеля «о правлении законов, а не людей» («Политика» 22) как первооснова Верховенства права. Однако лорд Том Бингхам справедливо заметил, что современный перевод на английский упустил действительный смысл фразы Аристотеля, которую надо переводить: «Лучше закону, чем одному из граждан, устанавливать правила, так как даже охранители законов нарушают законы», — что звучит заметно скромнее в смысле концептуальности фразы⁷. В сочинениях Платона (427–348) и Аристотеля (384–322) много интересного о правлении философов и организации идеального государственного строя, но нет ничего похожего на требование свободы для рабов и создания основанного на морали права до начала строительства нового государственного строя, то есть первичности права по отношению к государству.

Библия говорит о восстании и уходе из Египта большой массы рабов, которые стремились создать в другом месте свое собственное государство и в связи с этим обсуждали вопросы законов, которые они должны принять и строго соблюдать как до создания такого государства, так и при его правовой организации. Изложенные тогда правовые нормы стали вплоть до настоящего дня основами морали и права сначала западного, а затем (через нормы ООН и других международных договоров) и всего современного мирового сообщества. Запрет убийства и воровства, гуманное отношение к рабам, включая захваченных в плен женщинам, уважение к старшим, защита частной собственности, непримиримость к коррупции, уважение к судьям, судебные правила по отношению к свидетелям для предотвращения оговора невиновного, ограничение царской власти размерами возможных сборов, а также запрет на излишнее обогащение царей, обязанность последних соблюдать законы и подчиняться их требованиям, равенство всех перед законом, даже гуманное обращение с животными, — вот очень неполный перечень правовых норм, записанных и представленных людям Моисеем, который прежде окон-

⁷ *Tom Bingham. The Rule of Law. Penguin Book, London, 2010. P. 3.*

чательного их принятия добился предварительного согласия народа. При этом условием принятия и соблюдения законов было признание их высшей божественной и духовной ценностью и поклонение их текстам, хранящимся в наиболее священном месте передвижного храма.

Еженедельный выходной день (20: 10) для рабов! Только бывшие рабы могли придумать в те времена такой закон.

Профессор Санкт-Петербургского университета И. Д. Осипов пишет: *Можно утверждать, что Ветхий Завет выступает наиболее развитой юридико-философской концепцией этого периода, в нем представлены нормы публичного и уголовного права, идея верховенства права как закона, принципы разделения властей, конституционализма и общественного договора*⁸. В этом состоит сходство Ветхого Завета с концепцией правомерного, юридически организованного государства Нового времени. В этой связи особую значимость получает заповедь правосудия Моисея. Она предписывает создать суды из «способных, правдивых, боящихся Бога, ненавидящих корысть людей», которые могли бы карать правонарушителей, а также разрешать конфликтные ситуации⁹.

Чего стоит только такое указание судье: «Не следу́й за большинством на зло и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды» (23: 2). Ведь на такой правовой и моральной «беспартийной» норме должен стоять независимый суд в любой современной демократической стране. Какой знакомой может показаться норма из Книги Левит: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего своего, как самого себя» (9: 18). Или предписание исполнять законы не из страха наказания, не слепо, а осознанно через душу и сердце, «ибо в этом мудрость ваша и разум ваш», чтобы дела по соблюдению этих законов

⁸ Всесторонне данная проблема освещена в работах В.И. Лафитского «Воскресение права». Ч. 1–3. М., 2008–2009; и П.Д. Баренбойма «3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера». М.: РОССПЭН, 2003.

⁹ Философия права Пятикнижия. М.: Лум, 2012. С. 451.

«не выходили из сердца твоего во все дни жизни твоей» (Второзаконие, 4: 6, 9).

Только потом уже, при нарушении этого согласия некоей группой, Моисей утвердил эти законы с применением силы. Значительная часть принятых правовых норм носила характер моральных предписаний, подтвержденных силой закона. Люди Моисея вырезали тех, кто предпочитал, например, групповые многотысячные сексуальные оргии вокруг статуи божка в виде бычка и насилие над любыми чужими женщинами соблюдению правовых норм уважения женщины и семьи. Философия права в древние времена активно внедрялась в жизнь в виде жестокого наказания за нарушение правовой нормы, сопровождая весь путь от человека-полуживотного к современному цивилизованному человеку. Путь был начат в XV—XII веках до н.э. как философско-правовая доктрина и система законодательства Моисея (или от его имени окончательно записанный и отредактированный текст в VI—V веках до н.э.). Когда ни о чем подобном не слышали ни относительно развитые восточные города и царства, ни древние греки, ни, тем более, носившие тогда шкуры германцы, англичане и их предки.

Философия права как осознание морали, заключенной в праве, и необходимости права для поддержания морали началась с переговоров Моисея с Богом на вершине горы и своим народом внизу. Он много раз переходил с вершины горы к ее подножию, излагал и записывал правовые нормы, оглашал их народу, добивался согласия людей на принятие этих норм, размещения записей законов на каменных таблицах в наиболее священном месте переносного храма (Ковчеге), безусловного соблюдения законов и поклонения им как высшим духовным ценностям.

История библейского земного суда начинается с Книги Исход, глава 2, стихи 13—21, где молодой Моисей пытается по своей инициативе рассудить спор двух евреев и слышит от одного из них вопрос: «Кто поставил тебя начальником и судьей над нами?» Уже в этом вопросе право судить ассоциируется с правом руководить. В этой же главе описано, что Моисей женился на Сепфоре, дочери священника расположенной на северо-западе Аравии «зем-

ли Мадиямской», который впоследствии и дал своему зятю совет создать отдельное сословие судей. К этому времени библейский народ находился в тяжелом рабстве в Египте и Бог призвал Моисея, чтобы сообщить через него народу о Своем решении «избавить его от руки египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и просторную, где течет молоко и мед» (Исход, 3: 8).

После ряда событий евреи и, вероятно, другие египетские рабы, а может, и свободные египтяне — сторонники фараона Эхнатона (Исход, 12: 48—49) — восстали и ушли из Египта на Синайский полуостров и, видимо, далее на север Аравийского полуострова. Они ушли с оружием (Исход, 13: 18), их преследовали отборные войска фараона (Исход, 14: 6—7), от которых им удалось отбиться и уйти в пустыню.

Чтобы мысль о восстании не казалась парадоксальной, остановимся на значении фразы «вышли вооруженные из земли Египетской» (Исход, 13: 18). При каких обстоятельствах евреи могли вооружить значительное количество людей? Фараон не мог снабдить их оружием добровольно. Сами сделать его они не могли: бронзовое оружие того времени (наконечники стрел и копий, топоры, кинжалы, мечи) ковалось кузнецами, которые находились под контролем храмов или государственных учреждений, причем последние контролировали и редкое в Египте сырье для бронзового оружия¹⁰. В египетской армии оружие раздавалось солдатам, но одновременно письменно регистрировались их имена и вид полученного оружия¹¹. Солдат без оружия не принимался обратно в армейские ряды, о чем свидетельствует история побывавшего в плену и бежавшего оттуда египетского воина, которую по древним рукописям цитирует в своей книге Леонард Котрел¹². Он же обращает внимание на важную роль в армии «писца по распределению оружия и амуниции»¹³.

¹⁰ Scheed B. Egyptian Metalworking and Tools. Great Britain, 1989. P. 59.

¹¹ Montet P. Everyday Life in Egypt. Philadelphia, 1981. Pp. 231—232.

¹² Cottrell L. Life under the Pharaohs. London, 1957. P. 99.

¹³ Ibid. P. 94.

Проще говоря, в этом Древний Египет весьма похож на многие современные государства. (Следует заметить, что несколькими веками позже филистимляне, заклятые враги Израиля, сами изготавливали оружие из железа и всеми силами препятствовали развитию кузнечного ремесла среди соседних библейских племен.) Из вышесказанного видно, что оружие нельзя было изготовить или купить, — значит, единственным способом его получить остается захват arsenалов. Но такой захват, даже если он обошелся без большого кровопролития, уже сам по себе является актом восстания. Кроме того, если и было согласие фараона на уход рабов, то оно было дано в ситуации конфронтации с большим количеством вооруженных людей и не может считаться добровольным. Только при вооруженном перевесе сил восставших, по крайней мере, в районе египетской границы, возможна была своего рода реквизиция у египтян золота, серебра и одежды (Исход, 12: 35, 36).

Слова «ушли с оружием» могут оказаться решающими и для оценки различных гипотез о причинах и характере исхода евреев из Египта. Так, не находит подтверждения то, что библейский народ был изгнан египтянами из-за суеверного подозрения, что его присутствие стало причиной голода или эпидемии таких страшных болезней, как чума и проказа. Подобная гипотеза не вяжется с колоннами людей, уходящих с оружием в руках, со своим имуществом и скотом (Исход, 10: 24—26), да еще прихватывающих по пути ценности египтян.

Если бы рабы, ушедшие из Египта, не были хорошо вооружены, то у них не было бы шансов уцелеть среди кочевых племен пустыни, где они подверглись нападению уже через пару месяцев после исхода и с трудом одолели племя Амалика в битве до последнего человека (Исход, 17).

Все перечисленные в Пятикнижии философско-правовые проблемы не были известны ни одному из исторических правовых источников предшествующего или последующего тысячелетия. Я думаю о возможности предположить, что глубочайшая, серьезнейшая цивилизация Египта, может быть, времен фараона Эхнатона, при котором ввели единобожие и совершенно новую политическую (и, наверное, пра-

вовую) культуру, могла быть предшественницей правовых взглядов, которые описываются в Пятикнижии. Тем более что исход был из Египта, а Моисей был египетский принц и был обучен, как сказано в Библии, всем наукам египетским. Но достаточного числа серьезных правовых памятников Древнего Египта того времени не осталось, что очень странно, поскольку там можно кусок папируса воткнуть в песок и он сохранится тысячелетиями. Поэтому такую идею можно выдвинуть только в порядке предположения.

Вооруженность изгнанных может быть объяснена и тем, что египтяне изгнали из страны секту последователей фараона-реформатора Эхнатона, который более известен в России как супруг знаменитой Нефертити. Этот фараон, правивший 17 лет, отменил все действующие религиозные ритуалы, упразднил поклонение многочисленным египетским богам и разрушил их храмы. Вместо этого он ввел религию единобожия — поклонение Богу Солнца Атону, совершив первую известную миру радикальную религиозную реформу. После его смерти был восстановлен старый культ, разрушены все новые храмы, а имя самого Эхнатона изъято из всех исторических записей и было обнаружено только в конце XIX века.

Вполне вероятно, что идеи фараона-реформатора появились не по простому боговдохновению, а под влиянием на него идей единобожия, привнесенных в Египет потомками первых библейских пророков. У любого разумного исторически мыслящего человека не может быть никаких сомнений в том, что богатейшая египетская культура оказала серьезное влияние на развитие всех (в том числе и религиозных) идей библейского народа, заложенных его патриархами. Ученые видят соответствие между строками 111–114 «Великого Гимна» фараона Эхнатона в XIV веке до н.э. и Псалом 103 царя Давида X века до н.э. (Псалом 103, ст. 29, 30). В свою очередь, евреи могли воспринять идеи фараона от его тайных последователей во времена рабства, что представляется намного более естественным, чем влияние межгосударственной переписки между Эхнатоном и царем соседнего с будущим Израилем города Тира, на которую ссылается немецкий египтолог Ян Ассман — со-

лидный автор новейшей монографии «Моисей Египетский», изданной в 1997 году Гарвардским университетом. Интересно замечание этого исследователя, что религиозные идеи еще в третьем тысячелетии до н.э. имели, в том числе, и юридическое содержание. Договоры между античными государствами того времени скреплялись клятвами со ссылкой на своих богов. Поэтому признание богов другого народа имело важный международно-правовой характер, а первыми в истории переводами слов на иностранные языки были как раз переводы имен богов.

Несомненно, что правовая и религиозная культура библейского народа вобрала многое от соседних народов. При этом египетское влияние, косвенное или прямое через египтян, возможно, присоединившихся к Исходу, могло быть в этот период весьма значительным.

Лично я не вижу большого смысла в спорах, был ли Моисей ассимилированным в египетскую культуру евреем или египтянином, признавшим себя израильянином. Намного важнее, что в соответствии с содержанием Книги Исход он воспитывался как приемный сын дочери фараона, а по замечанию в Книге Деяния (76: 22) Нового Завета, «и научен был Моисей всей мудрости Египетской и был силен в словах и делах». Происхождение руководителей библейских кланов от смешанных браков патриархов до Моисея, смешанные браки самого Моисея и многих других следующих библейских лидеров показывают, что в те времена этническое происхождение было второстепенным, главное — следование определенным религиозным, правовым, моральным убеждениям.

Религиозные и правовые идеи библейского народа под руководством Моисея могли быть восприняты из духовных и интеллектуальных сокровищниц развитой египетской цивилизации, но претерпели трансформацию, имеющую важные последствия для развития конституционно-правовых идей будущих поколений. Фараон-реформатор Эхнатон последовал в своей новой религии единобожия древнеегипетской традиции, поставив себя (и любого фараона) в ту же позицию «божьего помазанника» — единственного человека, которому адресована божественная благодать

(«...а также царице, которую он любит, Нефертити», как сказано в заключительных строках «Великого Гимна» Эхнатона). Моисей же провозгласил равенство всех перед Богом и обязанность любого царя соблюдать установленное законодательство.

Колонны рабов уносили из Египта не только захваченное оружие и золото, но и идеи, трансформированные неукротимой жаждой свободы и ненавистью к крайним формам царской тирании. В каком-то смысле Моисей может рассматриваться как Спартак, чье восстание удалось¹⁴, с той лишь важнейшей разницей, что Моисей возглавлял людей, объединенных не только жаждой свободы и отрицанием тирании монархической власти, но и идеей создания нового свободного государства.

События эти, вероятно, происходили примерно в XV—XII веках до н.э. Разница в датировании Исхода почти в два столетия объясняется отдаленностью событий. Как правильно указывают итальянские исследователи Э. Гальбиати и А. Пьяцца, «напрасными будут наши усилия восстановить по библейским данным хронологию эпохи, предшествующей Давиду; хлопоты эти словно вызывают добродушную и загадочную улыбку у всех этих чисел, кратных 40, как бы сканирующих век за веком в ритме человеческих поколений, пока почтенные страницы наполняются длинными списками неизвестных имен, спасенных от тысячелетнего забвения. Итак, перед нами история, проходящая сквозь призму мирозерцания, совершенно непохожего на наше. Эта призма что-то открывает, а что-то скрывает. И чем отдаленнее доходящие до нас события, тем более фрагментарно и скупо их отражение, так что становится уже невозможно установить, на какой срок они реально удалены во времени. Можно даже задать вопрос, не намеренно ли эти отдаленные события переданы сквозь ту же дымку символизма и поэзии, которая и заволакивает, и раскрывает конечные судьбы человеческой истории»¹⁵.

¹⁴ Я рад, что этот образ из моей книги 1996 года воспроизводят и другие авторы.

¹⁵ Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии. М., 1995. С. 16.

Такие же трудности встречаются с определением количества рабов, пробившихся в пустыню из Египта. Сама Библия называет свыше 600 тысяч мужчин, «годных для войны» (Числа, 1: 45—46). Поскольку 80-летний Моисей и сам к таковым, видимо, уже не относился, то общее число со стариками, детьми и женщинами должно было составить далеко за миллион. Многие комментаторы считают, что, вероятно, цифра, названная в Библии, относится ко всему народу, а не только к воинам. Для нашего же анализа важно (даже если и цифра в 600 тысяч завышена пусть в 10 раз), что в пустыне под началом Моисея оказалось значительное число свободолюбивых и независимых людей, управление которыми в этой экстремальной ситуации не могло не требовать утверждения определенных правил поведения. Не следует забывать и о том, что эти люди кочевали в пустыне 40 лет, поскольку Моисей хотел, чтобы в землю обетованную вошло поколение людей, не знавших египетского рабства. «Однако задача, возложенная на израильтян в пустыне Синай, была слишком идеальна и слишком не соответствовала всем их тогдашним представлениям, всем склонностям их и обычаям, для того, чтобы они сейчас же могли ее постичь и ею проникнуться... Моисей решил остаться в пустыне до тех пор, пока подрастет новое поколение, которое, будучи воспитано на свободе, окажется более мужественным»¹⁶.

Строго говоря, что происходило: Моисей вывел народ из Египта. Он привел людей в безопасное место к священной вулканической горе. Там он несколько раз поднимался и спускался с вершины горы, над которой стояла вулканическая дымка, и вел переговоры с людьми о принятии и строгом соблюдении (в том числе и под страхом смерти) свода законов и моральных предписаний, который в виде каменных таблиц должен быть объектом почитания как высшая духовная и божественная ценность и храниться в наиболее священном месте переносного храма.

Изображения Бога как статуи были запрещены, и поклонение таким статуям считалось тяжким преступлением.

¹⁶ Гретц Генрих. История евреев. Пер. с нем. Одесса, 1906. С. 73, 76.

После согласия народа на оглашенные нормы он принес с горы две каменные таблицы, на которых были выбиты Десять Заповедей. После подавления сопротивления группы людей, не желавших принять нормы Моисея, вместо разбитых первых каменных таблиц с горы была принесена пара других каменных таблиц «Скрижалей Завета» с записью законов.

Эти таблицы были помещены в специальную большую «шкатулку», названную «Ковчегом Завета», на украшение которой ушли почти все запасы драгоценных металлов. Ковчег Завета был помещен в центр переносного храма, а затем через столетия и в два последующих каменных храма, выстроенных в Иерусалиме, при этом доступ в это наиболее священное место храма запрещался. Ковчег Завета был наиболее священной реликвией иудаизма.

Хотя каменные таблицы были в какой-то период утрачены, они были заменены свитками с записями законов, где, вероятно, были записаны все 613 законов Моисея. В храме поклонялись Богу, который был овеществлен текстами законов. По сути, поклонялись законам.

Предоставим читателю краткие отрывки из текста Ветхого Завета, чтобы он имел возможность проследить библейские описания событий. Мне кажется, что читателю будет удобней следить за ходом мысли, если прямые свидетельства в виде библейских цитат будут ему предоставлены в самом тексте нашей книги.

Далее цитаты из Книги Исход:

Исход, 19: 1. В третий месяц по исходе сынов Израиля из земли Египетской, в самый день новолуния, пришли они в пустыню Синайскую.

2. И двинулись они из Рефидима, и пришли в пустыню Синайскую, и расположились там станом в пустыне; и расположился там Израиль станом против горы.

3. Моисей взошел к Богу [на гору], и воззвал к нему Господь с горы, говоря: так скажи дому Иаковлеву и возвести сынам Израилевым:

5. итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля,

6. а вы будете у Меня царством священников и народом святым; вот слова, которые ты скажешь сынам Израилевым.

7. И пришел Моисей и созвал старейшин народа и предложил им все сии слова, которые заповедал ему Господь.

8. И весь народ отвечал единогласно, говоря: всё, что сказал Господь, исполним [и будем послушны]. И донес Моисей слова народа Господу.

20. И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы, и взошел Моисей.

21. И сказал Господь Моисею: сойди и подтверди народу, чтобы он не порывался к Господу видеть Его, и чтобы не пали многие из него;

25. И сошел Моисей к народу и пересказал ему.

20: 1. И изрек Бог [к Моисею] все слова сии, говоря:

2. Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства;

3. да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

4. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли;

5. не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня,

6. и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

7. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

8. Помни день субботний, чтобы святить его;

9. шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои,

10. а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осел твой, ни всякий] скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих;

11. ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его.

12. Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

13. Не убивай.

14. Не прелюбодействуй.

15. Не кради.

16. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

17. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего.

18. Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и увидев то, [весь] народ отступил и стал вдали.

19. И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть.

20. И сказал Моисей народу: не бойтесь; Бог [к вам] пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили.

21. И стоял [весь] народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог...

24: 3. И пришел Моисей и пересказал народу все слова Господни и все законы. И отвечал весь народ в один голос, и сказали: все, что сказал Господь, сделаем [и будем послушны].

4. И написал Моисей все слова Господни и, встав рано поутру, поставил под горою жертвенник и двенадцать камней, по числу двенадцати колен Израилевых;

7. и взял книгу завета и прочитал вслух народу, и сказали они: всё, что сказал Господь, сделаем и будем послушны.

12. И сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые Я написал для научения их.

15. И взошел Моисей на гору, и покрыло облако гору,

18. Моисей вступил в средину облака и взошел на гору; и был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей.

31: 18. И когда [Бог] перестал говорить с Моисеем на горе Синае, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим.

32: 15. И обратился и сошел Моисей с горы; в руке его были две скрижали откровения [каменные], на которых написано было с обеих сторон: и на той и на другой стороне написано было;

16. скрижали были дело Божие, и письмена, начертанные на скрижалях, были письмена Божии...

19. Когда же он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, тогда он воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою;

20. и взял тельца, которого они сделали, и сжег его в огне, и стер в прах, и рассыпал по воде, и дал ее пить сынам Израилевым...

26. И стал Моисей в воротах стана и сказал: кто Господень, [иди] ко мне! И собрались к нему все сыны Левиины.

27. И он сказал им: так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего.

28. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек.

29. Ибо Моисей сказал [им]: сегодня посвятите руки ваши Господу, каждый в сыне своем и брате своем, да нишлет Он вам сегодня благословение.

30. На другой день сказал Моисей народу: вы сделали великий грех; итак я взойду к Господу, не заглажу ли греха вашего.

31. И возвратился Моисей к Господу и сказал: о, [Господи!] народ сей сделал великий грех: сделал себе золотого бога;

32. прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал...

34: 1. И сказал Господь Моисею: вытеша себе две скрижали каменные, подобные прежним, [и взойди ко Мне на гору,] и Я напишу на сих скрижалях слова, какие были на прежних скрижалях, которые ты разбил;

2. и будь готов к утру, и взойди утром на гору Синай, и предстань предо Мною там на вершине горы;

4. И вытесал Моисей две скрижали каменные, подобные прежним, и, встав рано поутру, взошел на гору Синай, как повелел ему Господь; и взял в руки свои две скрижали каменные.

8. Моисей тотчас пал на землю и поклонился [Богу]

9. и сказал: если я приобрел благоволение в очах Твоих, Владыка, то да пойдет Владыка посреди нас; ибо народ сей жестоковыен; прости беззакония наши и грехи наши и сделай нас наследием Твоим...

27. И сказал Господь Моисею: напиши себе слова сии, ибо в сих словах Я заключаю завет с тобою и с Израилем.

28. И пробыл там [Моисей] у Господа сорок дней и сорок ночей, хлеба не ел и воды не пил; и написал [Моисей] на скрижалях слова завета, десятословие.

29. Когда сходил Моисей с горы Синай, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним...

Здесь же для сравнения можем процитировать, как некоторые события были несколько иначе записаны в Книге Второзакония — последней книге Пятикнижия. Расхождения в текстах, нелицеприятные факты о некоторых героях Библии являются наилучшими показателями подлинности и историчности, поскольку в подгоняемом «под старину» тексте ничего, конечно, подобного бы не было.

Второзаконие, 6: 1. Вот заповеди, постановления и законы, которым повелел Господь, Бог ваш, научить вас, чтобы вы поступали [так] в той земле, в которую вы идете, чтоб овладеть ею;

2. дабы ты боялся Господа, Бога твоего, и все постановления Его и заповеди Его, которые [сегодня] заповедую тебе, соблюдал ты и сыны твои и сыны сынов твоих во все дни жизни твоей, дабы продлились дни твои.

6. И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём [и в душе твоей];

7. и внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая;

8: 2. И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет;

9: 9. когда я взошел на гору, чтобы принять скрижали каменные, скрижали завета, который поставил Господь с вами, и пробыл на горе сорок дней и сорок ночей, хлеба не ел и воды не пил,

10. и дал мне Господь две скрижали каменные, написанные перстом Божиим, а на них [написаны были] все слова, которые изрек вам Господь на горе из среды огня в день собрания.

15. Я обратился и пошел с горы, гора же горела огнем; две скрижали завета были в обеих руках моих;

16. и видел я, что вы согрешили против Господа, Бога вашего, сделали себе литого тельца, скоро уклонились от пути, которого [держаться] заповедал вам Господь;

17. и взял я обе скрижали, и бросил их из обеих рук своих, и разбил их пред глазами вашими.

10: 1. В то время сказал мне Господь: вытеси себе две скрижали каменные, подобные первым, и взойди ко Мне на гору, и сделай себе деревянный ковчег;

2. и Я напишу на скрижалях те слова, которые были на прежних скрижалях, которые ты разбил; и положи их в ковчег.

3. И сделал я ковчег из дерева ситтим, и вытесал две каменные скрижали, как прежние, и пошел на гору; и две сии скрижали были в руках моих.

4. И написал Он на скрижалях, как написано было прежде, те десять слов, которые изрек вам Господь на горе из среды огня в день собрания, и отдал их Господь мне.

5. И обратился я, и сошел с горы, и положил скрижали в ковчег, который я сделал, чтоб они там были, как повелел мне Господь.

Различия текста Книги Исход и Книги Второзаконие не имеют значения для нашего анализа, хотя особое значение я бы придавал тому, что в Исходе текст вторых заповедей написал сам Моисей (34: 28). Может быть, так же был создан текст и первых скрижалей? Моисей от имени

Бога настаивал на том, что закон должен исполняться не из страха наказания, а должен быть «в сердце» и передаваться детям с раннего возраста не усилиями специально назначенных лиц, а родителями. Пятикнижие давало не только правовые нормы, но и полную систему правосознания, предусматривающую индивидуальное осознание важности правила «через сердце». И еще известное потом по Новому Завету, но опередившее его на тысячелетие правило из Книги Левит:

Левит, 19: 18. Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя.

Совсем не простым был процесс внедрения в жизнь философско-правовой доктрины совмещения морали и прав и превращения их в высшие духовные ценности, записанные в виде законодательных текстов, которым люди поклонялись вместо привычного изображения бога.

Условность библейских событий, которые излагаются нередко как притча, а не как описание реального события, а также конкретных дат — не требует долгих пояснений. «Любой факт, связанный с жизнью людей, будет для нас понятней, если нам уже известны другие факты подобного рода... В той мере, в какой изучение феноменов человеческой жизни осуществляется от более древнего к недавнему, они включаются, прежде всего, в цепь сходных феноменов. Классифицируя их по родам, мы обнажаем силовые линии огромного значения»¹⁷.

Конечно, внедрение передовых правовых норм заняло не несколько месяцев, как в Библии, а какой-то другой период. Как правильно отмечено французским историком Марком Блоком, «человеческое время всегда будет сопротивляться строгому единообразию и делению на отрезки, которые свойственны часам... короче, мы делаем вид, будто можем согласно строгому, но произвольно выбранному равномерному ритму распределять реальности, которым подобная размеренность совершенно чужда... Но не будем

¹⁷ Блок Марк. Апология истории. М., 1973. С. 80–81.

поклоняться идолу мнимой точности. Самый точный отрезок времени — не обязательно тот, к которому мы прилагаем наименьшую единицу измерения... а тот, который более соответствует природе предмета. Ведь каждому типу явлений присуща своя, специфическая, так сказать, система исчисления. Преобразование социальной структуры, экономики, верований, образа мышления нельзя без искажений втиснуть в слишком узкие хронологические рамки»¹⁸.

Философия права возникла в процессе многовекового написания и редактирования Пятикнижия и вытекающих из него Книг Судей и Царств (с XV—XII до VII—VI веков до н.э.), где право получило нравственную оценку, правовые и моральные нормы высокого уровня, не известные до этого в истории человечества. На вершине действующего вулкана — настоящей горы Синай получал Моисей из рук Бога эти каменные скрижали или он сам их высекал и находился там наедине с собой эти сорок дней и сорок ночей, обдумывая эти правовые нормы, — для целей философии права это не важно. Философия права начинается, когда правовые нормы получают нравственную оценку, и не с позиций самого права, а как бы со стороны, с позиции более высоких, чем право духовных ценностей.

Чтобы понять первенство правовой философии Пятикнижия, необходимо выделить такие ее составляющие, как:

- а) представление права как высшей духовной ценности, основанной на морали и взаимосвязанной с ней;
- б) невозможность в полной мере усвоить это право людям с рабской психологией;
- в) необходимость предварительного согласования с людьми предлагаемых им правовых и моральных норм;
- г) конкретные принципы подчинения царей законам и ограничения царской власти (Второзаконие);
- д) выделение самостоятельных судебных функций (Исход) и основанное на этом позднейшее верховенство

¹⁸ Там же. С. 98–99, 101.

судей (Книги Судей и 1-я Царств) в доцарский период истории (на протяжении около двух веков).

е) право предшествует созданию государства.

Ничего этого у древних греков нет. Светская наука философии права может заменить, во избежание противоречий и ненужных столкновений с возможными агрессивными атеистическими подходами, слово «божественный» на «духовный, моральный, этический» и спокойно продолжать анализ философско-правовой системы воззрений Моисея, от чего анализ никак не пострадает и не изменится. Сомневающимся в историчности Моисея, как и сомневающимся в историчности Сократа, ничто не мешает анализировать их мысли о праве, древность записи которых уж точно исторически доказана и не может вызывать сомнения. Немецкий историк и философ Генрих Гретц писал в 1874 году, что «как исторический материал, Библия не может претендовать на особые привилегии, делающие ее неприкосновенной в глазах теологов. От критического анализа библейская история не только ровно ничего не теряет, но, наоборот выигрывает в достоверности, величии и красоте»¹⁹. Поэтому представляется вполне естественным поискать в истории человеческой мысли начальный момент философии права, не акцентируясь на том, провозглашены вышеуказанные нормы человеческой морали от имени богов древних религий или закреплены в международных договорах и конвенциях ООН. Если Сократ, не оставивший ни одной собственной книги, является общепризнанным основателем политической философии²⁰, то почему Моисей, пять Книг которого сохранились в составе Ветхого Завета, а последняя существенная редакция последующими переписчиками в основном завершилась к VI—V векам до н.э., за сотню-другую лет до рождения Сократа, не может рассматриваться как отец философии права? Сам факт отсутствия абсолютных исторических доказательств существования Сократа и Моисея как исторических личностей совершенно не мешает объективному рассмотрению их

¹⁹ Гретц Генрих. История евреев. Пер. с нем. Одесса, 1906. С. 22.

²⁰ History of Political Philosophy, edited by Leo Strauss and Joseph Cropsey. The University of Chicago Press, 1987. Pp. 1, 4, 5.

мыслей, даже если они от их имени запечатлены письменно другими людьми. Существует философия религии, но что отличает ее от теологии или светского философского исследования? Вера, агностицизм или атеизм автора? Такой подход к философии права неприемлем.

«Библия» древних греков — «Илиада» Гомера — по сравнению с Пятикнижием не имеет никакого (или почти никакого) правового содержания. Поскольку древнегреческая философия права никогда не была обременена религиозным (в современном смысле) содержанием, ее продолжают считать общемировым началом философии права, что, по крайней мере, для этой разновидности философии является хронологически неправильной точкой зрения. Философия права, которую ошибочно многие считают частью юриспруденции, обязательно должна быть взглядом на право извне, с позиций морали и других высших духовных ценностей. Философия права — это самосознание права как высшей духовной ценности во взаимосвязи и взаимозависимости с другими высшими духовными ценностями.

Здесь нужно привести важную цитату академика РАН, директора Института философии РАН Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова:

Вопросы о том, как давно, в рамках какого этапа человеческого развития возникает право, и сохраняет ли оно, раз возникнув, некую устойчивую структуру, приобретает ли неотменяемую универсальную значимость или неузнаваемо меняется от эпохи к эпохе — вопросы эти отнюдь не являются схоластически надуманными. Они имеют прямое отношение к пониманию права в нашем обществе. Речь по сути дела идет о следующем: является ли право лишь средством, внешним регулятивным механизмом, подчиненным определенным целям, или оно само есть цель и ценность. А если является ценностью, то относится ли к фундаментальным ценностям человеческого существования или имеет преходящий характер?

Сопряжение Пятикнижия с философией прав человека, на первый взгляд, кажется маргинальной и даже дилетантской постановкой вопроса. Но если отвлечься от устоявшихся академических клише и взглянуть на суть

дела, то можно лишь удивляться, почему исследователи до сих пор не «копали» в этом направлении (если они действительно не «копали», в чем я могу, конечно, ошибаться). Сошлюсь только на две очевидности.

В книгах Моисея развернутый свод обязательных и юридически гарантированных правил поведения предваряется своеобразным общим введением, заключающим десять принципов – знаменитый Декалог, Десятисловие. Они, эти десять принципов, как говорится в тексте, были возведены перед Израилем самим Богом в отличие от прочих норм, переданных через Моисея. Они составили содержание прямого завета Бога и Израиля. Эти принципы имеют абсолютный характер и составляют нормативно-ценностную основу всего Моисеева законодательства. Они являются чем-то наподобие неизменной части конституции. К примеру, среди них есть требование «Не убий». Далее, однако, когда начинается конкретика уголовных отношений, мы находим нормы талиона, санкционирующие убийство (предписывающие жизнь за жизнь), и также говорится, когда и как следует заменять убийство выкупом. Если сопоставить категорическое «Не убий» из Декалога с талионом кодекса в его уголовной части, то нетрудно заметить, что Декалог составляет правовую основу практического законодательства, задает гуманистическую перспективу последнего. Разве мы не видим здесь зародыш, не зародыш даже, а начало того разделения права и закона, которое составляет одно из ключевых философско-правовых основоположений?!

Еще один важный момент. Законодательство Моисея вписано в его деятельность по созданию единого государства, призванного объединить двенадцать колен народа в более высоком синтезе. Именно законы справедливости призваны стать скрепляющей основой людей в государстве и заменить в этом качестве родовые, клановые связи и обязательства. Более того, именно с законами, которые Яхве дает народу Израиля, он (Яхве) связывает избранность последнего, понимая тем самым избранность не как природный факт, а как историческую задачу. Правотворчество Моисея не просто упорядочивает наличные отношения, оно переводит само существование народа на новый, более высокий уровень, придает ему новое качество. Теперь ему

уже мало существовать, ему надо существовать по законам справедливости, в правовом режиме. Для Моисея, как мы видим, легитимность законов заключена в их справедливости. Здесь уже заложено различие между тем, что можно назвать духом законов и их буквой. И, следовательно, требование искать, поддерживать напряженное единство между этими двумя аспектами правовой реальности. Мы знаем из последующей истории, что перекося в сторону буквы законов при игнорировании их боговдохновенного духа и стало кризисом, породившим духовную реформу Иисуса Христа.

Получается, что право заключает в себе нечто божественное – разве эта сквозная для Библии мысль не является в высшей степени ценной в том числе и для тех, кто мыслит философски, не скован конфессиональными буквализмом?! Словом, даже при поверхностном взгляде видно, что постановка вопроса о библейских истоках права и философии права вполне оправдана²¹.

Начало XXI века является поворотным пунктом для разграничения философии права, философии религии и теологии. Почти тысячу лет назад не знающие гегелевской диалектики арабско-латинские сторонники знаменитого (в честь него даже назвали астероид) мусульманского философа и юриста Аверроэса (Ибн Рушда), жившего 1126–1198 годах, совмещали исламско-христианский подход о «двойственной истине», где вроде бы противоречащие друг другу утверждения на самом деле являются истиной и для теологии, и для светской философии. То есть, может быть единство противоположностей без их борьбы. Примерно четыре века назад началось освобождение, разграничение западноевропейской светской науки философии права от религиозных идей, сейчас пришло время возврата философии права к проблеме того же разграничения, чтобы не оторваться от своих корней, лежащих в текстах Ветхого Завета.

Принятие законов Моисея как бы проводит символический водораздел между диким и цивилизованным состоянием человечества. Не случайно Александр Владимирович

²¹ Философия права Пятикнижия. С. 395–397.

Захаров цитировал на нашем обсуждении библейских истоков философии права 24 апреля 2012 года в Институте философии РАН строчки известного современного поэта Александра Городницкого:

*Не для того ли, смертных поражая
Непостижимой мудростью своей,
Бог Моисею передал скрижали,
Людей отъединяя от зверей?
А стае не нужны законы Бога, –
Она живет заветам вопреки.
Здесь ценятся в сознании убогом
Лишь цепкий нюх да острые клыки.*

Интересно, что известный библеист Гертц также писал о полудикости новообращенных Моисеем уже в середине XIX века.

Считающийся автором первых пяти Книг Ветхого Завета, Моисей может рассматриваться не только как связующая фигура для христианства, ислама и иудаизма, но и для основных правовых систем современности, доминирующих в международном праве и внутреннем праве большинства государств, принадлежащих к иудейско-христианской, а также мусульманской правовой традиции. Моисей бесчисленное количество раз упомянут в Ветхом Завете, около 80 раз в Новом Завете и свыше 500 в Коране. При этом его фигура соответственно увязана и с Христом, и с Магомедом. Он представляется их предтечей, а они, каждый по-своему, как бы завершают миссию Моисея. Многие из представленных человечеству Моисеем (или от его имени) 613 правовых норм Завета составили важную часть и христианской, и мусульманской правовой традиции.

Пятикнижие — первые пять Книг Ветхого Завета — является началом философии права, из которого истекают все важнейшие постулаты и нормы правовых систем иудаизма, христианства и ислама, что позволяет подчеркивать единство, а не различие современного мира. Если в западноевропейской и американской правовой традиции ветхозаветные правовые предписания трансформировались в общие философско-правовые принципы взаимосвязи права,

нравственности, справедливости, уважения к женщине, то в нормах шариата (без уважения к женщине) закрепились правила о неподсудности человека, совершившего кражу из-за голода, и что доказательством вины могут быть показания только двух добросовестных свидетелей. При этом такие конкретные нормы были «вымыты» из права «развитых» правовых систем.

Моисей был Человек-Идея и не зависит для нашей оценки от своего исторического существования, поскольку основой его учения является свод переплетенных с моральными наставлениями правовых норм, которые в совокупности, если отсечь строительные, гигиенические и кулинарные правила, составляют основу первого в истории философско-правового учения. Да и такое «кулинарное» правило как «не вари козленка в молоке его матери» по существу не имеет отношения ни к рецептам приготовления пищи, ни, конечно, к защите животных. Речь здесь о человеке и о тех пределах цинизма, которые он не должен пересекать, чтобы сохранить собственную нравственность.

Месторасположение настоящей горы Синай, которая в Библии описана как действующий вулкан, до сих пор с точностью неизвестно. Нынешняя гора Синай, в честь которой и назван весь Синайский полуостров, не была действующим вулканом и «обнаружена» Еленой (250—330) — матерью основателя Константинополя (Стамбула) императора Константина (272—337) в III веке н.э. Постоянно опасавшийся заговоров Константин вырезал своих детей и практически всех родственников, поэтому мать безоговорочно отправилась по его указанию в пустыню искать по привидевшемуся ему во сне описанию библейскую вершину. Изнеженная римская аристократка, измученная тяжелым путешествием по пустыне, показала рукой на первую подходящую гору, отсюда и известная сейчас гора Синай. В действительности гора-вулкан, расположенная в «земле Медианской», где Моисей скрывался, женился, пас овец, увидел пылающий куст — «неопалимую Купину», а потом на вершине получил от Бога Десять Заповедей, скорее всего, находится на Аравийском полуострове, примерно на одном расстоянии от Иерусалима и Медины. Тесть Моисея Иофор (в некоторых

местах Библии — Рагуил) был жрецом в земле Медианской, где и нашел приют библейский народ, он же помог Моисею советом о правильной организации судопроизводства. Похоже, медианцы и их традиции могли повлиять на вышедших из Египта рабов и по другим направлениям, поэтому можно говорить о некоем совпадении северо-аравийских и библейских традиций и подходов. Позднее правовые нормы ислама будут созданы, в том числе и как некое продолжение многих юридических ветхозаветных идей, а сам Моисей (Муса) упоминается в Коране 503 раза. Получается, что предшественники современных арабов участвовали, влияли, в том числе и идейно, на библейские события, а затем уже через почти две тысячи лет правовые идеи Ветхого Завета влияли на формирование ислама. Вскоре (через пару веков) после создания ислама, на мусульманской — нейтральной для иудеев и греков философской территории — сошлись и переплелись ветхозаветные и древнегреческие правовые идеи, в частности о правителях-философах. Здесь впервые в истории философии прозвучало и получило теоретическое и фактическое обоснование право Моисея именоваться философом в современном смысле этого слова. Через Коран встретились идеи Моисея с идеями Платона и соединились в концепции правителя-философа.

Известный исследователь Хазарского Каганата Ахмед Глашев приводит интересную цитату из «Книги путешествий» (1004—1008 годы) персидского философа и поэта Насир-и Хосрова: «Всякое человеческое общество, имеющее государственность, имеет и свою божественную книгу. Все же такие книги суть Коран, без всякого противоречия между собою. И хотя невежды считают противоречащими Тору, Евангелие и Коран, но в их смысле нет никакой разницы, различна лишь внешность»²².

Аль-Фараби (872—951) — знаменитый мусульманский философ права (а еще музыкант, математик, астроном, алхимик, психолог), в честь которого не назвали астероид, как в честь его последователя Ибн-Рушда, но зато его изображение попало на казахстанскую денежную купюру до-

²² Философия права Пятикнижия. С. 169.

стоинством 10 тысяч тенге (около 700 долларов США). Сам он столько не зарабатывал, работая садовым сторожем, тратившим свой дневной заработок на покупку одной свечи, чтобы ночью иметь возможность писать свои научные труды. Его рождение от турецких родителей на территории Казахстана уже решительно закреплено и купюрами тенге, и названием крупнейшего казахстанского университета, хотя существует и иранская версия места рождения. Жил он в Багдаде и Дамаске и писал на арабском. Интересно, что комментируемый им текст платоновской «Республики» (у нас «Государство») был доступен в переводе на арабский еврейским и арабским философам, но веками был неизвестен в Европе и недоступен западным мыслителям. После этого еще более понятен подвиг Козимо Медичи, который собрал по монастырям Европы в XV веке последние греческие рукописи Платона и спас его идеи для последующих времен. Великий христианский философ права Святой Августин (354–430) знал «Государство» Платона только в изложении Цицерона, причем работы последнего также дошли до потомков в неполном виде. Не исключено, что знаменитый христианский философ права Фома Аквинский (1225–1274) также не был знаком с оригинальным текстом Платона. В то же время иудейские и арабские философы были знакомы с «Государством» и вообще, по мнению авторов американской «Истории политической философии», предпочитали совместное прочтение и совмещение ветхозаветно-корановских идей с идеализмом Платона²³.

Среди работ Аль-Фараби есть «Трактат о взглядах жителей добродетельного города», «Книга о достижении счастья», «Указание путей счастья», «Гражданская политика», «Книга о войне и мирной жизни», «Книга изучения общества», «О добродетельных нравах». Опираясь на правовые и этические идеи греческих философов, прежде всего Платона, и используя идущие из Ветхого Завета че-

²³ History of Political Philosophy, edited by Leo Strauss and Joseph Cropsey. University of Chicago Press, Chicago, 1987. P. 249.

рез Коран социальные идеи древнего Востока, Аль-Фараби разработал важную философско-правовую теорию. Во главе добродетельных городов у него должны стоять правители-философы и пророки-законодатели, различие между которыми практически не обозначено. В добродетельных городах стремятся к достижению истинного счастья для всех жителей, господствует добро и справедливость, осуждаются несправедливость и зло. Добродетельным городам Аль-Фараби противопоставляет невежественные города, правители которых не стремятся к истинному счастью, а ценят только наслаждения и богатство. Только опасение подвергнуться преследованиям традиционных исламистов того времени, которые и так относились к его идеям прохладно, не позволило Аль-Фараби высказать свои мысли до конца и назвать и пророка Мусу (Моисея) и самого основателя ислама и сильного государства на Аравийском полуострове Магомета (Мухаммеда) правителями-философами дополнительно к их общепризнанной роли пророка-законодателя. Поскольку Магомет признавал себя в расширенном смысле продолжателем дела и законов Моисея, Аль-Фараби по сути обосновал, что Моисей являлся правителем-философом. (Я бы все же сказал, в первую очередь, философом права). Он утверждал, что воображение, боговдохновение, характерные для пророка-правителя и пророка-законодателя должны быть присущи и рационально мыслящему мудрецу философу-правителю. Пророк и философ, если дело касается правильного руководства государства, должны воплотиться и слиться в одном лице совершенного правителя. «Правитель-пророк или правитель-философ является человеком, который находит решение вопроса реализации наилучшего политического режима, при этом функции правителя-пророка и правителя-философа с этой точки зрения являются идентичными... Аль-Фараби начинает изложение своих взглядов о совершенном правителе с подчеркивания общей для правителя-философа и правителя-пророка функции по обеспечению связи между божественным и гражданами, которым нужно разъяснить божественное... Аль-Фараби даже не рассматривает возможность правления пророка,

если тот не обладает интеллектом философа», — пишет американский исследователь Мухсин Махди²⁴.

Статус Моисея как пророка-философа подтвердил через три столетия последователь Аль-Фараби — знаменитый еврейский философ Маймонид (1135—1204), но тоже с оглядкой на традиционных талмудистов, которые по сути не признавали значение философии в трактовке Ветхого Завета. (Еще через пять веков это отозвалось драмой отлученного и проклятого талмудистами Спинозы.) Маймонид концентрируется на фигуре Моисея и отделяет его от всех других ветхозаветных пророков, считая, что слово «пророк», примененное к Моисею, уже неприменимо к другим, представляющим по отношению к нему предварительный или последующий, но всегда вспомогательный характер. По мнению Маймонида, Моисей обладает совершенным интеллектом и совершенным даром предвидения, и поэтому является сочетанием философа, государственного деятеля, законодателя и предсказателя. Учение Маймонида прокладывает дорогу к сложным философско-правовым идеям Спинозы, который в некотором смысле, по мнению американского автора Стивена Надлера, представляет собой кульминацию средневекового иудейского философского рационализма, из которого он многое почерпнул²⁵. Подробнее я надеюсь рассмотреть эти вопросы в готовящейся книге «Философия права в «Богословско-Политическом Трактате» Спинозы». Моисей — первый известный истории философ права, как бы скрепляет будущий (еще не достигнутый и к нашему времени) правовой консенсус между западно-христианской и мусульманской правовыми цивилизациями. Надежда, что западно-христианская правовая традиция заполнит собой суверенные правовые территории многих влиятельных мусульманских стран, может не сбыться в ближайшие десятилетия или столетия. Осмысление правовой философии Моисея сейчас, возможно, нужнее всего для нахождения общего языка между юристами разных правовых традиций. Египет-

²⁴ History of Political Philosophy. Pp. 212–213.

²⁵ Steven Nadler, Spinoza's Theory of Divine Providence. Damon, Netherlands, 2005. Pp. 7, 18, 28.

ский принц Моисей, вероятно, знал древнее египетское пророчество, которое будет приятно сердцу любого пишущего человека: «Что касается тех ученых писцов, кто жил подобно богам... их имена будут существовать вечно... Человек разлагается, тело его прах, и все его родственники вымерли, но писания заставляют его имя жить на устах чтеца. Книга полезнее, чем дом строителя или погребальная часовня в песках Запада...» Запад здесь, конечно, совпадение.

Интересно, что Маймонид повлиял на взгляды крупного английского мыслителя Уильяма Оккама (1285–1349), который более всего известен приписанным ему методологическим принципом «бритва Оккама». Как сказано в Википедии, *«В современной науке под бритвой Оккама обычно понимают общий принцип, утверждающий, что если существует несколько логически непротиворечивых определений или объяснений какого-либо явления, то следует считать верным самое простое из них. Содержание принципа можно упрощенно свести к следующему: не надо вводить новые законы, чтобы объяснить какое-то новое явление, если это явление можно объяснить старыми законами. Сейчас этот принцип – мощное орудие научной критической мысли. Сам же Оккам сформулировал этот принцип как подтверждение существования Бога. Еще проще говоря, словосочетание «Бритва Оккама» значит, что «Самое простое объяснение – самое верное»²⁶.*

Нас же более интересуют философско-правовые взгляды Оккама, гораздо менее известные, и применение «бритвы» в этой области знания. В кругах средневековых философов и теологов его времени было распространено основанное на ветхозаветных идеях уважение к праву и неприятие несправедливого и «капризного» абсолютизма. «Оккам, не пытаясь систематически изложить свои взгляды на природу государства политического общества, в своих получивших широкую известность сочинениях обосновывал право людей на свободу с момента рождения, причем свобода эта обосновывалась неприкосновенностью их права частной собственности и поддерживалась правом на выбор прави-

²⁶ Русская Википедия.

40 телей. Даже успешный правитель не обязательно должен быть выбран, а согласие людей подчиниться власти монарха предполагает их право сместить его, если его правление не соответствует ожиданиям подданных. Общество имеет право на сопротивление тирану»²⁷.

Эти взгляды Оккама и его последователей, повлиявшие на дальнейшее развитие философии права, прямо вытекали из ветхозаветного законодательства Пятикнижия. Оно в соответствии с принципом «бритвы» было простейшим и наиболее очевидным по сравнению с более сложными отсылками к Древнему Риму.

У нас мало знают или вообще не знают Франциско Суареса, который жил в одно время с королем Джеймсом (у нас его называют Яковом). Король Джеймс-Яков, сын Марии Стюарт, который после Елизаветы принял власть в Англии и Шотландии. Тем более, что доктрина английского «короля-философа» Джеймса Первого (1556–1625) — о божественном происхождении царской власти — заложила правовую базу для европейской абсолютной монархии и основывалась на текстах Ветхого Завета. Король был знатоком библейских текстов и именно под его руководством был осуществлен систематический перевод Библии на английский язык. Знаменитая «Библия Короля Джеймса» и сейчас остается основным и чаще всего цитируемым библейским текстом на английском языке, издается десятками миллионов экземпляров и лежит во всех сотнях тысяч протестантских церквей англоязычного мира.

Но на текстах Библии было основано и опровергающее доктрину короля Джеймса о божественности царской власти учение авторитетного современника короля — испанского философа Франциско Суареса (1548–1617), называемого в западном мире родоначальником современной философии права. Он был из университета Саламанки, и его защищала испанская корона от гнева короля Джеймса, который жег его книги и сжег бы его самого, но руки были коротки в данном случае. Идущее из Ветхого Завета про-

²⁷ *Frederick Copleston. A History of Philosophy. Volume 3. New York, 1963. Pp. 122, 125, 130.*

тивостояние божественного происхождения судебной власти божественному происхождению царской власти до сих пор определяет (в том числе и в России) главный конституционный вопрос XXI века о подчинении исполнительной власти требованиям доктрины правового государства. «Политический и правовой кризис абсолютизма начался с полемики о законности королевских прерогатив...»²⁸ Заочный диалог Джеймса (Якова) с Суаресом был по сути не теологическим, а фундаментальным философско-правовым спором, который по масштабу сравним только с философско-правовой «дискуссией» президента США Ричарда Никсона и главы подкомитета по разделению властей Сената США сенатора Эрвина в ходе Уотергейтского дела 1973–1974 годов. Кстати, пример Суареса показывает, как трудно во многих случаях отделить теологию от философии религии, а последнюю от философии права.

Ничто не может отрицать особой специфической философии права пуритан, повлиявших на английский конституционализм и составивших подавляющее большинство первых колонистов США, что привело, в итоге, к формированию мощного американского конституционализма. «Из Ветхого Завета протестантизм выборочно заимствовал некоторые воззрения на государство, колеблющиеся между демократической теократией, враждебной к царской власти, и теократическим стремлениями, вообще враждебными к любой идее государства. Эти теологические представления были затем перенесены на государственный порядок, породив новые представления о демократии: английские пуритане... первыми попытались сформулировать новый демократический государственный идеал, отличный от античных и ренессансных образцов»²⁹.

Известны предложения английских пуритан обязать Парламент принимать законы в соответствии с библейскими правовыми предписаниями. Неприятие предложенного принципа было одной из причин массовой эмиграции пури-

²⁸ *Исаев И.А.* Идея правопорядка в консервативной перспективе. М., 2011. С. 57.

²⁹ Там же. С. 56.

тан в Америку, где они основали сначала небольшие государственные автономии Массачусетс, Род-Айленд и т.д. по своему библейско-конституционному вкусу. Хотя женевский правитель Жан Кальвин (1509—1564) и писал, что «короли должны склонить короны перед церковью и слизывать пыль с ее ног», он все же был далек от позиции своих радикальных последователей, которые утверждали, что нижестоящие государственные органы могут оказывать сопротивление королю и даже забирать его полномочия. Неизвестный французский гугенот опубликовал в последней четверти XVI века работу «*Vindiciae contra Tyrannos*», где указывал, со ссылкой на Ветхий Завет, на связанность королей одним договором с Богом и людьми, другим договором с людьми, где предписана обязанность справедливого правления. Отсюда вывод, что люди только делегируют полномочия королю и другим органам власти. Возможно, такой ветхозаветный конституционный подход и объясняет ту ярость, с которой королевская власть обрушилась на гугенотов. Шотландский священник Джон Нокс (1510—1572), честно отслужив за свои убеждения 19 месяцев прикованным гребцом на французских галерах, писал, что в соответствии с Ветхим Заветом люди имеют право на восстание против монарх-тирана. Развитие идей Пятикнижия стало магистральной линией развития философско-правовых идей, обосновавших сложившуюся в почти окончательном виде в первой половине XVIII века английскую конституцию, а затем ближе к концу того же столетия конституции США и Франции.

Ветхий Завет в Пятикнижии ставит как минимум три философско-правовые проблемы, имеющие значение для России XXI века:

- взаимосвязь права, нравственности и справедливости;
- обсуждение с народом правовых норм, которые он должен исполнять;
- возможность преодоления рабской психологии прошлого для построения нового, основанного на нравственном праве, государства.

Философия права исследует и отношения собственности, о чем правильно пишет доктор юридических наук Владимир Дмитриевич Мазаев: «Ветхий Завет положен

в основу ведущих цивилизаций современного мира, философского исследования природы человека, природы права. В нем, особенно в Пятикнижии, заложены основные ориентиры отношения людей к собственности, владению вещами, которые не утратили своего значения и сегодня»³⁰.

Философия права имеет свою специфику и, скажем так, отдельность, обособленность от любой другой философии, например философии политики или политической философии. Эта простая истина неудобна для большинства философов, поскольку (особенно в России, где и в начале XXI века продолжает господствовать традиционный правовой нигилизм) они не так уж хорошо знакомы с правовыми категориями. В опубликованной в журнале «Вопросы философии» статье «Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века» крупный польский исследователь А. Валицкий справедливо пишет:

Одной из характерных черт русской дореволюционной мысли было отрицательное либо пренебрежительное отношение к праву, связанное с идеализацией общинного коллективизма. Многие мыслители как правого, так и левого толка – славянофилы и Достоевский, с одной стороны, народники и анархисты, с другой, – были склонны видеть в патриархальном крестьянстве воплощение духа истинной, братской общности, которая может легко обойтись без писаных законов и не допустить развития индивидуализма. И те, и другие осуждали гражданские права и политические свободы, доказывая, что они лишь маскируют капиталистическую эксплуатацию. Считали развитие капитализма и присущее ему все большее «оправление» общественных отношений специфическим свойством Запада, привнесенным в Россию и для нее чуждым. Либеральная концепция правозаконности отвергалась по самым разным причинам: во имя самодержавия или анархии, во имя Христа или Маркса, во имя высших духовных ценностей или материального равенства. В частности, славянофилы усматривали в правовых нормах попытку пагубной рационализации общественной жизни, характерную для католиче-

³⁰ Философия права Пятикнижия. С. 272.

ского (а потом протестантского) Запада и восходящую к языческому наследию древнего Рима: право как таковое было в их глазах «внешней правдой», заменяющей человеческую совесть полицейским надзором. Герцен видел в неуважении к праву также историческое преимущество русского народа – свидетельство его внутренней свободы и способности построить новый мир. Достоевский приравнивал права личности к правам эгоистических индивидов, отделенных друг от друга юридическими барьерами и не знающих никакой нравственной связи; юристы, особенно адвокаты, были в его глазах «современными софистами», цинично манипулирующими истиной из корыстных побуждений. Народники отрицали конституцию и политические свободы, как орудие буржуазной эксплуатации народа. Русские анархисты, Бакунин и Кропоткин, считали право, наряду с государством, инструментом прямого насилия. Крайним проявлением этого моралистического антилегалитета был правовой нигилизм Льва Толстого...

Толстой отождествлял право с возведенной в закон волей тех, кто находится у власти, т.е., иначе говоря, был сторонником вульгарного правового позитивизма. Он явно не признавал, что могут быть и другие теории права. Что право может пониматься как нечто предшествующее государству и ограничивающее его власть³¹.

Последнее замечание особенно важно: со времен Толстого не осознано в российской философии права значение идей Пятикнижия о праве, как основанном на нравственности и предшествующем созданию государства. И это произошло в ситуации, когда философия права была переплетена у нас в Серебряном веке с философией религии, которой уделялось важнейшее значение. Поэтому и длительное отставание России в осмыслении доктрин верховенства права и правового государства.

Характерно высказывание известного русского правоведа и философа Бориса Николаевича Чичерина (1828—1904), актуальность которого стала еще сильнее спустя более чем столетие. В книге «Философия права» он писал:

³¹ Вопросы философии. 1991. № 8.

«Оно (предлагаемое сочинение. — П.Б.) представляет попытку восстановить забытую науку, которой упадок роковым образом отразился на умах современников и привел к полному затмению высших начал, управляющих человеческой жизнью и служащих основой человеческих обществ»³².

Существует распространенная в мире тенденция включать философию права в состав политической философии или, как минимум, сливать их воедино как некие взаимодополняющие части. «Философия — высокая альпийская дорога; к ней ведет лишь крутая тропа через острые камни и колючие тернии: она уединенна и становится все пустыней, чем выше восходишь...»³³ Неожиданно выясняется, что обособленность философии права неудобна и для большинства юристов, которые склонны сливать ее с юриспруденцией в широком смысле этого слова или с теорией государства и права и историей политических учений. Это можно объяснить нежеланием совершать трудное восхождение к энциклопедическим высотам философии права и преодолевать традиционное догматическое юридическое мышление. Кроме того, доминанта политической философии, которая в настоящее время практически слилась с политической идеологией, также может отталкивать некоторых юристов от анализа философских проблем. Эти две встречные тенденции привели к тому, что философия права в начале XXI века оказалась малонаселенным дрейфующим островком между материками философии и права.

Современная российская ситуация отнюдь не уникальна. Вот что писал известный французский философ права Мишель Вилле (1914—1988):

Нигде в мире философия права не сталкивается с такой враждебностью, как у нас в стране. Философы относятся к ней с презрением. Им недостает правовой начитанности... Что касается наших коллег — юристов, большинство из них не жалуется представляемую здесь дисциплину. Общеизвестно, что у французских юристов философия права вызывает аллергию... Самой нездоровой из всех философий

³² Чичерин Б.Н. Философия права. М., 2011. С. 24.

³³ Шопенгауэр Артур. Собрание сочинений. Т. 6. М., 2001. С. 3.

46 представляется философия права... Европейские философы Нового времени и современности сталкиваются исключительно с деятельностью научного, нравственного и политического характера. Это не значит, что они полностью игнорировали право. Задача общей структурализации мироздания требовала от них уделять некоторое внимание праву: правовые доктрины есть у Спинозы, Локка, Канта, Гегеля или Огюста Конта... Но они рассуждали о праве, не имея ни малейшего повода наблюдать его реалии. У Декарта, Паскаля, Гегеля, Конта, Ницше, Кьеркегора, Фрейда, а тем более – у Сартра, или Хайдеггера, или у деятелей сегодняшней Сорбонны мы не видим даже крупицы правового опыта (Перевод Н.А. Кравцова)³⁴.

Отсутствие надлежащего философско-правового подхода привело к взаимному непониманию между англосаксонской доктриной Верховенства права (Rule of Law) и германо-континентальной доктриной Правового государства (Rechtsstaat). Вместо того, чтобы строить мост между разными правовыми менталитетами и правовыми системами, англосаксы постарались высажить десант англоязычной концепции Верховенства права, к которому повсеместно отнеслись с большим уважением, но на деле не уступили ни пяди своей правовой территории. Глубокая философская доктрина Правового государства (Rechtsstaat), разработанная немцем Иммануилом Кантом с подачи англичанина Давида Юма и француза Жан-Жака Руссо, лежит в основе верховенства такого высшего закона каждой континентальной страны, как подробная писаная конституция, отсутствующая в большинстве англосаксонских стран. К ним мы для целей философско-правового анализа отнесли бы и Соединенные Штаты при всем уважении к нескольким страничкам Конституции США, дополненной тысячами судебных решений, сотни прецедентных томов которых заменяют и одновременно восполняют отсутствие подробных конституционных норм.

³⁴ Цит. по: Кравцов Н.А. Философия права Мишеля Вилле. Ростов-на-Дону, 2005. С. 180, 203, 204.

Англосаксонское влияние на правовое развитие континентальных стран (особенно в сфере конституционного контроля со стороны национальных конституционных судов, судебного усмотрения, судебного пересмотра в общеевропейских судах) является огромным, но не доминирующим. Поэтому конвергенция мирового права, в ходе которой (думаю, до конца текущего столетия) англосаксонская и континентальная правовые семьи сольются в одну, является встречным движением в обе стороны. Мне кажется, что канадский Монреаль, где континентальная и англосаксонская традиции сошлись и переплелись в виде практически действующей правовой системы, может стать творческой лабораторией, где отрабатывается алхимия этой будущей всемирной правовой конвергенции. Роль философии права, позволяющей осознать принципиальные доктринальные различия и сходства, для такой конвергенции является бесценной, поэтому она неизбежно должна получить в XXI веке новый толчок для своего развития. Нельзя не согласиться с профессором Лейденского университета Ф. Альтинг фон Гейзау, утверждающим, что правовые нормы Ветхого Завета критически важны для развития современной юридической мысли и что переход к правовому государству нельзя осуществить без применения и истолкования основополагающих библейских правовых принципов³⁵.

Судья Конституционного Суда Российской Федерации Гадис Абдуллаевич Гаджиев пишет:

Связь истоков современной философии права с первой известной миру системой правосознания Пятикнижия, основанной на сочетании и взаимодополнении права и морали, представляется очевидной. Тот факт, что эта связь до сих пор не является общепризнанной в нашем юридическом обществе, может быть объяснен, в том числе, отсутствием внимания к идеям В.В. Бибихина, характеризующего и библейское, и любое другое право, как что-то обязательное, но неформально обязательное, что-то не определившееся до конца, возможно, даже мистическое. Именно о правовой морали В.В. Бибихин пишет, что соблюдение права вовсе не

³⁵ Газета «Русская мысль». 1996. № 41.

48 *обязательно приносит непосредственную выгоду. «В праве есть сторона рыцарства: я верен закону, долгу просто из верности. Есть разум в том, что требования долга не смягчались упоминанием о том, что их выполнение, и только оно, делает человека достойным счастья»³⁶. Конечно, эти идеи напрямую вытекают из такого же по сути законодательства Пятикнижия, рассматриваемого вне религиозного контекста. Недостаток современного законодательства, по мнению Бибикина, в том, что в нем мало обоснования «надчеловеческими инстанциями», наличие кризиса референции – привязки законов к надежному авторитету. Правовые идеи Пятикнижия влияют на философию права, в том числе русскую философию права, значительно сильнее, чем может показаться при поверхностном взгляде³⁷.*

Я думаю, что философия права — и современная и древняя — рассматривает действующие нормы права (и их законодательные проекты) с точки зрения соотношения с высшими нормами общечеловеческой морали, а также помогает найти наиболее значительное и схожее в этой связи в различных «национальных» законах и правовых системах. Момент философии права наступает в человеческой истории тогда, когда право сознает себя и осознается со стороны высшей духовной ценности в соотношении и взаимодействии с другими духовными ценностями, например нравственностью, справедливостью. Это описано в Книге Исход и последующих трех книгах Пятикнижия.

Правильно пишет Владимир Ильич Лафитский:

В современном праве нет пророчеств, наполненных неистовой страстью, разрывающих ткань времени, пронизывающих глубины сознания. В них нет вдохновенных слов. Вместо них – бесцветные фразы, скрывающие суть грядущих событий. А предугадывать их необходимо. Иначе право станет инструментом решения только скоротечных проблем. В праве, не освещенном пророчеством, нет основной цели. Она либо утрачена, либо похоронена под ворохом ненужных и малозначительных норм. Эта цель – всеобщее

³⁶ Бибикин В.В. Введение в философию права. М., 2005. С. 28.

³⁷ Философия права Пятикнижия. С. 230.

благо. Все остальное в праве вторично и не имеет самостоятельного значения. В том числе демократия, правосудие, законность, права и свободы, иные «начала» и «принципы» современного права. Они лишь средства к достижению указанной цели³⁸.

В России процесс формирования философии права был и продолжает быть осложнен стремлением поставить закон впереди права, стремлением почти всегда тиранической российской власти самим фактом принятия ею закона поставить этот закон выше морали, нравственности, самой человеческой жизни. Как говорит Дзержинский в разоблачительном³⁹ стихотворении Эдуарда Багрицкого «ТВС»: «И если он скажет: «убей» — убей!, если он скажет: «солги» — солги!» С этими законодательными и моральными установками и прожили десятилетия советского периода. Никто не ответил не только за пытки и расстрелы миллионов людей, включавших и друга Багрицкого писателя Бабеля, но и за официальную ложь еще в 90-е годы прошлого века о времени и причинах его смерти⁴⁰.

Почему древние тексты Ветхого Завета, в течение нескольких тысячелетий уверенно прошедшие испытания анализа сотен поколений десятков (сотен?) тысяч ученых, не могут рассматриваться отдельно от всех чисто религиозных идей в качестве важнейшего исторического письменного источника философско-правового знания? Большая часть правовых и моральных норм пришла к человечеству посредством религиозных предписаний, поэтому анализ соотношения морали и права, составляющий основу философии права, кажется, не должен никого смущать. Главное здесь — возникновение дискуссии о важности закрепления и обоснования норм права высокими моральными нормами. Когда же мы можем сказать о начале философии права в

³⁸ Философия права Пятикнижия. С. 318.

³⁹ Баренбойм П. Тиль Уленшпигель времен сталинизма. Время новостей. 2009. 16 февраля; Barenboim P., Meshcheryakov B. Flanders in Moscow and Odessa: Poet Eduard Bagritskii as the Till Ulenspiegel of Russian Literature. Letny sad, Moscow, 2010.

⁴⁰ Баренбойм П. Армия слов. К 70-летию расстрела Бабеля. Время новостей. 2010. 27 января.

писаной истории человечества? Мы не можем разорвать вопросы морали и права, когда говорим о философии права, и мы не можем разорвать современные правовые общепризнанные нормы и их исторические религиозные корни, мы здесь не можем разорвать дух закона и сам закон. Кроме того, выбитые на камне тексты законов были поставлены Моисеем в священный центр всех храмовых богослужений как высшая духовная ценность народа, что само по себе является позицией философии права. Именно Моисей впервые в истории человечества сформулировал конституционную идею ограничения законом монархической власти.

Приведем цитату одного из крупнейших специалистов по конституционному праву США Луиса Хенкина: «Тора (первые пять Книг Ветхого Завета. – П.Б.) и Конституция США – обе являются юридическими документами. Это нельзя сказать обо всей Библии. Это нельзя сказать обо всех конституциях, даже если они претендуют на то, что имеют правовое содержание. Многие конституции не имеют нормативного содержания, но являются манифестами, описаниями или, в лучшем случае, программами или обещаниями. Являясь правовыми инструментами, Тора и Конституция США развили юриспруденцию и подлежат интерпретированию со стороны юристов, людей права... И Библия, и Конституция США включали обязательства для политических властей и служили в качестве ограничителя их власти. Царь был подчинен правовым нормам Ветхого Завета так же, как могущественные Президенты и Конгрессы, как нам известно, подчинены Конституции. Для тех, кто не находит согласованности между правилом большинства голосов и политической теорией, на которой основана Конституция США, интересно будет узнать, что правило большинства аналогично библейскому предписанию о правиле большинства для судей, а может быть, и производно из него»⁴¹.

Честно говоря, меня всегда несколько удивляла позиция неприятия Ветхого Завета как источника правовых

⁴¹ Henkin L. The Constitution and Other Holy Writ: Humane Right and Divine Commands? from The Judeo-Christian Tradition and the US Constitution. Proceedings of a Conference at Annerberg Research Institute, 1987.

идей, поскольку она явно носит характер перевода сути обсуждения с историчности происхождения (с точки зрения времени и правильности изложения и лингвистического перевода содержания) библейских текстов на вопросы веры, неверия, доверия и т.д. Мы же не подменяем вопросом о физическом существовании Сократа обсуждение философской сути идей, записанных в IV в. до н.э. от его имени.

Судья Конституционного Суда РФ Владимир Ярославцев справедливо отмечает:

Центральным понятием ветхозаветной этики и религии является само понятие «завет», в основе которого лежит верность союзу и договору между Богом и народом. Всякий союз, построенный на договоре, есть правоотношение и, следовательно, кладет в основу норму поведения, иначе говоря, «закон дел». Понятие «завет» необходимо утверждает закон и жизнь в законе⁴². Таким образом, закрепляются взаимные отношения, возникает обязанность между обеими сторонами в результате добровольного согласия.

Весь Ветхий Завет, как писал русский философ Е.В. Спекторский⁴³, понимался как закон, как нечто юридическое, как какая-то сакральная юриспруденция⁴⁴.

Итальянский философ Бенедетто Кроче считает правильным внимание светской науки философии к силе, обозначившей «благородный призыв к моральному достоинству человека, чем проникнута вся история человечества – Провидении, как когда-то ее называли теологически... Назовем миф не ложным, а истиной – несовершенной, односторонней, рыхлой, неопределенной, смешанной с ощущениями и плодами воображения. Это даст нам возможность, постепенно растворив, скорректировать мифы, обнаружить в них момент правды, взаимно обогатить их еще не разработанными элементами. Охладить мифы – значило бы очистить

⁴² См.: Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. Проблемы Закона и Благодати. В сб.: Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб., 1997. С. 384.

⁴³ См.: Спекторский Е.В. Христианство и правовая культура. В сб.: Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб., 1997. С. 338.

⁴⁴ Философия права Пятикнижия. С. 225.

их от неискреннего и нелепого, ведь они формируются спонтанно. Тогда мы поймем, что логически полученные истины не так уж стерильны, что за ними скрывается немало мифов: идея свободы, прекрасная истина христианства, даже если простые умы ее слишком материализовали»⁴⁵.

Важным вопросом философии права является и вопрос о способности родившихся в рабстве людей воспринять и осуществить идеи права, справедливости, морали и построить на них свое государство. После бунта части народа против предложенных Моисеем правовых норм Завета, тот сделал вывод о невозможности построения с ними нового государства и водил их по пустыне, пока не вымерли все, кто был рабами в Египте.

Приведем еще строки из стихотворения «Монолог Моисея» Александра Городницкого:

*Про жестокий им назначенный экзамен
Знают путники бредущие едва ли,
Эти женщины с бездонными глазами
И мужчины, что оковы разбивали.
Тот, в ком с детства кровь от страха в жилах
стынет,
Не способен жить при равенстве и братстве.
Сорок лет вожу народ я по пустыне,
Чтобы вымерли родившиеся в рабстве.
Вот идут они, словам моим поверя,
Позабыв об униженьях и напастях,
Но нельзя войти в сияющие двери
С синяками от колодок на запястьях.
Все возможно только средствами простыми, –
Мы в самих себе не в силах разобраться.
Сорок лет вожу народ я по пустыне,
Чтобы вымерли родившиеся в рабстве.*

Может ли раб стать полноценным гражданином нового государства, основанного на справедливости? Это важная философско-правовая проблема имеет прямое отношение к

⁴⁵ Кроче Бенедетто. Антология сочинений по философии: История. Экономика. Право. Этика. Поэзия. СПб., 1999. С. 275.

современной России. Может ли поколение «советских рабов» построить гражданское общество и тем самым обеспечить важнейшую предпосылку правового государства, или нужно ждать 2032 года — 40 лет от распада советского политического режима? (Самым популярным плакатом на митинге оппозиции 4 февраля 2012 года в Москве был: «Свободу рабу на галерах».) Может ли философия права попытаться осознать и ускорить процессы «выдавливания из себя раба»?

А это опять Городницкий, но уже совсем недавно и о российском народе в 2009 году:

И нет на свете Моисея,

Чтобы народ из рабства вывел.

В мышлении Моисея, в его идеях, как отмечает П. Джонсон, выделялся юридический подход. Этот автор пишет о Моисее: «Он был пророк и лидер, человек решительного действия и буквально электрического воздействия на окружающих, способный на неудержимый гнев и жесткое решение, но также человек интенсивной духовности, любящий уединение с самим собой и Богом в безлюдных местах, наблюдая видения Божоявления и Апокалипсиса; при этом, однако, не отшельник и затворник, но активная духовная сила, ненавидящая несправедливость и пламенно стремящаяся к созданию Утопии. Этот человек не только был посредником между Богом и человечеством, но стремился перенести чрезвычайно высокие идеалы в практическую государственную деятельность, а благородные концепции — в каждодневную жизнь. Кроме того, в качестве законодателя и судьи он стал архитектором мощной правовой инфраструктуры, обеспечивающей честный подход к каждому аспекту общественного и частного поведения, то есть, в конечном счете, тоталитаризм духовности»⁴⁶.

В какой-то мере пафос Пятикнижия подчеркивается тем, что Бог хотел, но не уничтожил ни отказывавшегося поначалу принять на себя миссию Исхода самого Моисея (Исход, 4: 5), ни весь библейский народ, который в массе

⁴⁶ Johnson P. History of the Jews. N.Y., 1988. Pp. 27, 29.

своей неоднократно оговаривался или отказывался от полученных предписаний, потому что знал, что Ему нужны упрямые несговорчивые люди, которые, поняв и приняв нормы права, будут потом их соблюдать, защищать, своим примером их пропагандировать, идти за них на смерть вплоть до позднейшего принятия основных норм большинством всего человечества, что они пронесут факел философско-правовых идей передовой морали и права через тысячелетия.

Не случайно в течение тысячелетий вплоть до нашего времени заветные мысли авторов Второзакония, Книги Судей, Первой книги Царств и других Книг Ветхого Завета не были расшифрованы в полной мере.

В книге американского автора М. Дроскина высказана гипотеза, что в первых пяти Книгах Ветхого Завета зашифрованы предсказания событий, которые произошли либо произойдут через тысячи лет, например предсказания о Гитлере, изобретении электричества и самолетостроения, покушении на Кеннеди. Не буду давать оценку этой гипотезе, но хотел бы сказать, что, похоже, в Библии достаточно ясно предсказано Уотергейтское дело⁴⁷, когда Президент США Р. Никсон после решения Верховного Суда США вынужден был в августе 1974 года уйти в отставку перед лицом неизбежного отрешения от должности в порядке импичмента. Как ни удивительно, после отстранения от власти библейским судьей Самуилом династии первого библейского царя Саула в истории человечества нет прецедента такого же масштаба, как Уотергейт. Еще в 1884 году (за 90 лет до Уотергейта) российский автор Я. Богородский в своей книге заметил прогностический характер этой библейской

⁴⁷ В 2014 году в США будут отмечать 40-летие Уотергейта. Началом этой истории стало задержание взломщиков в июне 1972 года в предвыборной штаб-квартире Демократической партии, расположенной в номере 723 гостиницы «Уотергейт» в Вашингтоне. Инициаторами взлома и установления микрофонов в стане политических противников были ближайшие помощники Президента США республиканца Ричарда Никсона. Дальнейшее развитие событий привело к отставке в августе 1974 года Президента Никсона. В истории все эти события остались под названием «Уотергейтское дело» по названию гостиницы, где они начались.

истории, соотнеся историю Самуила и Саула с возможностью ее повторения в рамках действующей Конституции США. Общеизвестно также, что идеи Ветхого Завета оказали серьезное воздействие на конституционное развитие США в XVIII столетии и на саму Конституцию США.

В 1997 году в городе Монтгомери штата Алабама судья Р. Мур повесил на стене в зале судебных заседаний две деревянные таблицы, на которых были вырезаны Десять Заповедей. Как обычно в США, тут же нашлись общественные организации, протестующие против вывешивания религиозного текста в государственном учреждении. И хотя в судах США все присягают на Библии (как и Президент при вступлении в должность), Верховный Суд штата Алабама вынес решение, что Десяти Заповедям не место на стене судебного зала. Судья Мур отказался снять таблицы, а губернатор Алабамы дал указание национальной гвардии силой воспрепятствовать попытке снять их. Этот скандал не помешал (а может, и помог) Р. Муру через четыре года стать Председателем Верховного Суда штата Алабама, где он установил мраморный монумент Десяти Заповедям. Этот монумент после длительных юридических баталий все же пришлось убрать, а самому Муру — уйти в отставку. Мотивом борьбы против монумента Десяти Заповедей в здании суда было конституционное предписание об отделении церкви от государства. Но ведь среди десяти законов Моисея только три непосредственно относились к религии. И если бы остальные семь заповедей рассматривались чисто с исторической точки зрения как общечеловеческие принципы морали и философии права, разве было бы обоснование для их очередного разбивания? Мне кажется, что-то подобное происходит в современной философии права, которая из-за религиозных или антирелигиозных предубеждений не может проследить свое происхождение из Пятикнижия.

Не использование в учебных курсах российских юридических вузов библейского текста привело к тому, что каждый студент знает (хотя бы понаслышке) Кодекс Хаммурапи, но совершенно не знаком с библейскими правовыми, в том числе и конституционно-правовыми ценностями. К сожалению, традиционный теологический комментарий к

56 Библии и в России и за рубежом, как правило, не содержит юридического (особенно конституционного) анализа, поэтому и тексту Конституции, написанной Самуилом, не уделено достаточного внимания.

Отсутствие в учебных программах юридических и богословских вузов библейской конституционно-правовой тематики отрицательно влияет на уровень правового знания у священнослужителей и совершенно губительно для формирования конституционно-правового менталитета нового поколения юристов. Без знания того, что из Библии берут прямое начало конституционные принципы свободы, прав человека, ограничения самодержавия, независимости суда, разделения властей, — современный юрист будет не только ограничен в своих исторических познаниях, но и просто не поймет самой сути вышеперечисленных и многих других конституционных принципов демократии. Пока же можно обнаружить только краткое изложение некоторых из вышеуказанных подходов в единственном в России посмертном издании учебника профессора МГУ Августа Алексеевича Мишина «Конституционное (государственное) право зарубежных стран»⁴⁸.

Сейчас актуально отметить библейское начало философии права, рассматривая ее, конечно, как светскую науку, изучающую, в том числе, и свои корни в исторических письменных памятниках, включая и древние религиозные тексты. Здесь речь не идет о вере, атеизме, агностицизме или деизме, а о поисках истины права как одной из высших духовных ценностей человечества. Например, из-за подхода «Бог — не бог», «вера — неверие» и философская, и юридическая мысль упустили значение Спинозы как великого философа права, основывавшего свои взгляды на библейских текстах.

⁴⁸ М.: Статут, 2012.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БИБЛЕЙСКИЕ КОРНИ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДА И ДОКТРИНЫ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Те, кто управляет государством или кто им владеет, всегда стараются прикрыть видимостью права всякий неблагоприятный поступок, какой бы они ни совершили, и убедить народ в том, что они поступили честно. Несомненно, тем самым они получают величайшую свободу делать все, что хотят и что им подсказывает их склонность, и, наоборот, они в большой мере лишаются свободы, если право толкования законов принадлежит другому и если в то же время правильное толкование их настолько для всех ясно, что никто в нем не может сомневаться. Из этого очевидно, что для еврейских вождей главная причина злодеяний была устранена тем, что все право толкования законов было предоставлено левитам (Второзаконие, гл. 21, ст. 5), которые никогда не участвовали в управлении государством... Хотя священнослужители были толкователями законов, однако не их уделом было судить граждан и изгонять кого-то из общества; это право было присвоено только судьям, избранным из народа (см. Иисус Навин, гл. 6, ст. 26; Судей, гл. 21, ст. 18, и I Самуила (Царств), гл. 14, ст. 24).

Бенедикт Спиноза

Богословско-политический трактат

Стране нужны не просто грамотные профессионалы, ей нужны честные и добросовестные (в подлинном, первоначальном смысле этого слова) судьи, способные вершить суд по праву. В этом плане представляются плодотворными и социально значимыми усилия тех ученых, которые обращаются в своих исследованиях к библейским истокам доктрины независимости судебной власти перед лицом власти исполнительной.

В.Д. Зорькин,
Председатель Конституционного
Суда Российской Федерации

Книга известного московского адвоката Петра Баренбойма «Первая Конституция Мира. Библейские корни независимости суда» выходит в свет более чем своевременно... Обсуждаемая идея библейских корней независимости суда позволяет по новому взглянуть на природу судебной власти и перспективы ее развития. Особенно впечатляет, что эта новая для правоведения и богословия идея родилась на российской почве.

В.М. Лебедев,
 Председатель Верховного Суда
 Российской Федерации
 (из предисловия к книге
 П.Д. Баренбойма «Первая
 Конституция Мира. Библейские
 корни независимости суда».
 М.,1997)

Концепция библейского происхождения доктрины разделения властей и независимости судебной власти, выдвинутая П.Д. Баренбоймом, является важной не только сама по себе, но и как свидетельство того значения, какое в современной России приобретает сильная и эффективная судебная власть.

В.Ф. Яковлев,
 Экс-Председатель Высшего
 Арбитражного Суда
 Российской Федерации

В соответствии с библейским законодательством царь вместе со всеми молился и поклонялся в храме текстам законов, лежащих в Ковчеге Завета, а кроме того еще и обязан был ежедневно читать текст свитка, в котором были записаны правила, описывающие ограничения его власти. «Но когда он сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников левитов, и пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научился бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии; чтобы не надмевалось сердце

его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля». Эта цитата из Второзакония (17: 18—20) является отражением одного из главных философско-правовых достижений всей Библии. Это точно подметил Бенедикт Спиноза в «Богословско-политическом трактате», что видно из пространной цитаты, вынесенной нами и в эпиграф этой статьи. Спиноза указал на разделение властных полномочий, сразу же заложенное в основание правовой государственности, предписанной законами Пятикнижия. Английский перевод с латыни названия 18 главы «Богословско-политического трактата»: «OF CERTAIN POLITICAL AXIOMS DERIVED FROM THE CONSTITUTION OF THE HEBREW REPUBLIC AND THE HISTORY OF THE JEWISH PEOPLE» — «Некоторые политические аксиомы, выводимые из конституции еврейской республики и истории еврейского народа», — не является буквальным переводом латинского «Ex Hebraeorum Republica, et historiis quaedam dogmata Politica concluduntur». Тем не менее, он ближе к смыслу идей Спинозы, чем русский перевод: «Из государства и истории евреев выводятся некоторые политические догмы».

Спиноза пишет именно о конституционных принципах государственной организации, как они вытекают из Ветхого Завета. Латинское *principibus* во множественном числе было один раз переведено на русский как «правители», а затем слово *principibus* в единственном числе как «князь». Но то, что в русском языке мы понимаем под властью князя (например, времен Древней Руси), не может сравниться с полномочиями шофета (судьи), давшего название Книге Судей Ветхого Завета и выполнявшего, в первую очередь, судебные функции.

Главный философ права, базирующийся на Библии, конечно, Бенедикт Спиноза (1632—1677). Он прямо вывел философско-правовые постулаты из Библии, на что, к сожалению, у нас практически не обратили внимания.

Сам Спиноза очень драматичная фигура, вероятно, до сих пор не вполне понятая. К 19 годам жизни этого

юноши все в семье у него умерли, а на попытку в 24 года разобраться с философско-правовых позиций в содержании Ветхого Завета еврейская община Амстердама ответила страшными словами отлучения: «Да будет он проклят и днем и ночью; да будет он проклят, когда ложится и когда встает; да будет он проклят и при выходе и при входе... Да сотрет Адонай имя его под небом и да предаст злу... Никто не должен говорить с ним... стоять от него ближе, чем на четыре локтя, не читать ничего, им составленного или написанного».

Он умер от легочного туберкулеза, усиленно куря табак, авторитетно рекомендованный медициной его времени как лучшее средство от болезней дыхательных путей. Спиноза не любил выходить из дома в Гааге, в 10 минутах ходьбы от которого толпа кастрировала, освеживала как тушу и вывесила за ноги для всеобщего обозрения его покровителя, выдающегося политического лидера Голландии, адвоката, автора первого учебника по аналитической геометрии и идеолога религиозной толерантности Яна де Витте. А если бы Спиноза был за пределами этой страны, то немедленно стал бы жертвой католической инквизиции.

Библию Спиноза знал назубок. Он читал Ветхий Завет на древнееврейском, которым с детства владел совершенно и с которого переводил при написании своих трактатов (в голове или на бумаге — не важно) на выученную уже в зрелом возрасте под руководством бывшего иезуита латынь. Думаю, мысль его уже тогда не выражалась во всей своей полноте в латинском «перевode». Спиноза понимал, что латинская Вульгата не отражает в полной мере оригинальный библейский текст. В своем «Богословско-политическом трактате» он, кроме всего прочего, пытался более точно передать перевод ряда мест Библии, но остался непонятым. Он пытался создать «Грамматику еврейского языка», чтобы она помогла читателю понять содержание Ветхого Завета, а заодно и его «Богословско-политического трактата», но, отчаявшись, сжег написанное.

У нас Ветхий Завет перевели во второй половине XIX века, а Спиноза, кажется, еще ждет адекватного перевода. (Например, Чаадаев переводил его в эпиграф свое-

го «Философического письма» с немецкого издания, но и этот перевод искажил). Что касается последующих с латыни переводов на русский язык, то крупнейший в России знаток Спинозы написал, что они не идут ни в какое сравнение с лучшими современными переводами Спинозы на европейские языки⁴⁹. Так какого Спинозу мы сейчас читаем? Как доходит до нас светлый луч его мысли, уже искаженный линзами латыни, каким бы хорошим оптиком он при этом ни был?

Хорошие переводы на английский уже появились, как пишет американский комментатор Хейди Моррисон-Раввен, но, по ее мнению, время понимания «Богословско-политического трактата» Спинозы до сих пор не наступило. Интересно, относится ли это замечание Раввен и к переводу библейских текстов, анализируемых Спинозой? Авторитетный автор Гордон Уэнхам пишет: «Ветхий Завет не переведен на английский адекватно оригинальному тексту ни в одном из вариантов перевода»⁵⁰. Поэтому комментаторы разных частей Библии в рамках одного издательского проекта спокойно пользуются разными вариантами перевода.

Спиноза ввел в оборот научную критику Библии, но сделал это, одновременно уважительно извлекая из нее значимые позитивные философско-правовые постулаты. В советское время у нас Спинозу, во-первых, неправильно считали завзятым атеистом, во-вторых, сами не знали текстов Библии, на которых он основывал свои философско-правовые взгляды. (Это и неудивительно, ведь Библию изымали на таможне как запрещенную литературу, а в самом СССР не издавали.)

Е.Н. Трубецкой хорошо знал и Спинозу, и Библию, почему и сделал в 1907 году правильный вывод: «Идеал Спинозы есть правовое государство, в котором власть служит органом общей воли... Господство закона служит Спинозе мерилom при оценке различных форм правления»⁵¹.

⁴⁹ Майданский Ф. Предисловие. Бенедикт Спиноза: Pro et Contra. СПб., 2012. С. 9.

⁵⁰ Gordon Wenham. Numbers. Inter-Varsity Press, Illinois, 1981. P. 5.

⁵¹ Бенедикт Спиноза: Pro et Contra. Антология. СПб., 2012.

Ученик Трубецкого С.Ф. Кечекьян посвятил в своей книге 1914 года «Этическое мирозерцание Спинозы» значительное место учению Спинозы о государстве и праве. Совершенно правильно В.С. Нерсесянц указал, что «новый рационалистический философско-правовой подход к проблемам общества, государства и права получил свое дальнейшее развитие в творчестве великого голландского философа и политического мыслителя Баруха (Бенедикта) Спинозы (1632–1677). Его философско-правовые взгляды изложены в «Богословско-политическом трактате» (1670), «Этике, доказанной геометрическим путем» (1675) и «Политическом трактате» (1677)... В историю правовой мысли Спиноза вошел как прогрессивный мыслитель-гуманист, критик теологических политико-правовых идей, один из творцов светской доктрины государства и права»⁵². Только следует добавить, что и «светскость», и «рационалистичность» философско-правовых взглядов Спинозы во многом основываются на его позитивном анализе библейских правовых идей, в первую очередь Пятикнижия.

Именно философско-правовые идеи Спинозы являются наилучшим доказательством библейского начала философии права. Высшим пилотажем взлета мысли Спинозы является одновременный критический анализ логических и исторических несоответствий библейского текста с позитивным философско-правовым развитием передовых морально-правовых идей Пятикнижия. Автор предисловия к популярному массовому изданию «Богословско-политического трактата», американский профессор Раввен, пишет:

«Спиноза предложил, чтобы Библия понималась как система моральных принципов, осовремененных Десяти Заповедей, которые могут служить конституцией демократического плюралистического общества, поддерживающего свободу сосуществования и свободу мысли... Спиноза стремился показать, что Библия должна использоваться как основополагающая конституция современного много-

⁵² Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2009. С. 588.

религиозного общества»⁵³. Крупный американский философ Лео Штраус писал: «Спиноза — первый философ, написавший системную защиту демократии, которая изложена в его «Богословско-политическом трактате», опубликованном в 1670 году»⁵⁴. Спиноза написал свой «Богословско-политический трактат» в период, когда английские колонисты в Америке считали свой отъезд из Англии библейским Исходом и думали, что они строят новое свободное государство, аналогичное тому, правовые основы которого в Пятикнижии заложил Моисей. Такие же настроения были в освобожденной от испанцев Голландии. Интересно, что голландцы середины XVII века рассматривали свою республику как «второй Израиль», ее главу принца Вильгельма Оранского как Моисея, короля Испании Филиппа Второго как египетского фараона, а «Декларацию Независимости Нидерландов» как голландский исход из Египта»⁵⁵. То есть Исход необязательно связан с перемещением на другую территорию, — он может быть исходом из самих себя, из своей рабской оболочки.

На этом фоне Спиноза отделил философию от теологии и изложил свою концепцию светских философско-правовых идей Библии, как основания для строительства свободного государства. Как он писал в своем письме 1671 года, «неизбежная необходимость вещей не устраняет ни божественных, ни человеческих законов, ибо нравственные предписания — получают ли они форму закона от самого Бога или нет — остаются тем не менее божественными и благодетельными»⁵⁶.

Однако оказалось, что его идеи парили выше уровня его современников и он значительно опередил свое время, так что его взгляды не вполне поняты и сегодня, 380 лет спустя со дня его рождения (24 ноября 2012 года).

⁵³ Heidi Morrison Ravven. Introduction. Theologico-Political Treatise, New York, 2009. P. XI.

⁵⁴ History of Political Philosophy. Edited by Leo Strauss and Joseph Cropsey. Chicago, 1987. P. 45.

⁵⁵ Wier van Bunge. Philosophier of Peace. Hague, 2009. P. 19.

⁵⁶ Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. С. 555.

Этого великого философа советская марксистская философия почему-то относила к «отцам атеизма». В своем «Богословско-политическом трактате» он пишет: «И так как в настоящее время, сколько я знаю, у нас нет никаких пророков, то нам ничего не остается, как только развернуть священные фолианты, оставленные нам пророками, развернуть, конечно, с той осторожностью, чтобы о подобных вещах мы не утверждали или не приписывали самим пророкам ничего такого, чего они сами ясно не высказали»⁵⁷.

Затем Спиноза дает весьма удачное определение целей существования государства. Он пишет: «Цель всего общества и государства состоит... в спокойной и удобной жизни»⁵⁸. Эта поразительная формулировка как бы подчеркивает разрыв между общечеловеческими ценностями, известными с библейских времен, и тем беспокойством и неудобством, которое нередко доставляет гражданину современное государство.

Далее мудрый и ироничный Спиноза пишет о различии между большинством людей и законодателями: «А так как истинная цель законов обыкновенно ясна только для немногих и большинство людей почти не способно понять ее... то законодатели старались сдержать толпу, точно лошадь уздой, насколько это возможно»⁵⁹.

Законодателями были священники-левиты, и функция законодательства была отделена от царской исполнительной функции. Спиноза отмечал, что «религия у евреев получила силу права только от государственного права»⁶⁰.

Он писал, что «цари, подобно подданным, были связаны законами и не могли по праву отменять их или издавать с равным авторитетом новые...»⁶¹ и что противоречия между первосвященниками (законодателями) и царями возникали постоянно и означали «разделенное правление»⁶².

⁵⁷ Спиноза Б. Богословско-политический трактат. Минск, 1998. С. 46–47.

⁵⁸ Там же. С. 94.

⁵⁹ Там же. С. 110.

⁶⁰ Там же. С. 376.

⁶¹ Там же. С. 358.

⁶² Там же. С. 383.

При этом изучение содержания законов путем чтения и перечитывания их было обязанностью каждого, что, кстати, свидетельствовало о всеобщей грамотности в древнем Израиле (Второзаконие, 31: 19). Спиноза тонко подмечает, что «народ обязан был приходиться к первосвященнику не более (выделено мной) чем к верховному судье (Второзаконие, 17: 9)». Судейская функция по Спинозе была отделена от функции принятия законов (хотя Моисей, а затем и Самуил совмещали их).

В примечании к тексту «Богословско-политического трактата» Спиноза излагает концепцию взаимодействия судей и законодателей, суть которой в том, что Моисей велел, чтобы каждое из 12 племен «поставило в городах, данных ему Богом, судей, которые решали бы тяжбы по законам, от Него данным, а если бы случилось, что сами судьи стали сомневаться относительно права, тогда они должны прийти к верховному первосвященнику (который именно и был верховным толкователем законов) или к судье, которому они в то время были подчинены (ибо он имел право совещаться с первосвященником), и согласно объяснению первосвященника решать тяжбы»⁶³.

Спиноза неоднократно подчеркивал, что разделение управленческих, законодательных и судебных функций было благом для древнего государства, «ибо нигде граждане не владели своим имуществом с большим правом, чем подданные этого государства, которые с князем имели равную часть в земле и пашне и где каждый был вечным господином своей части...»⁶⁴. Все здесь сказанное относится к тому периоду, который предшествовал Соломону и последующим царям, присвоившим себе функции верховного судьи и не соблюдавшим ограничения, наложенные на них конституцией Моисея-Самуила, сформулированной во «Второзаконии» (17: 14–20) и «Первой книге Царств» (26: 9–17; 10: 25). Спиноза писал: «И нет никого в Ветхом Завете, кто говорил бы о Боге более сообразно с разумом, нежели Соломон, превосходивший всех своих современников естествен-

⁶³ Там же. С. 424–425.

⁶⁴ Там же. С. 352.

ным светом, поэтому он и считал себя выше закона... и все законы, касающиеся царя и состоявшие, главным образом, из трех пунктов (см. Второзаконие, 17: 16,17), мало уважал и даже совсем нарушал их...»⁶⁵. В то же время праправнук Соломона царь Иосафат вынужден был провести судебную реформу и вернуться к принципам организации судебной системы, предписанным Моисеем (Вторая книга Паралипоменон, 19: 5–11). Спиноза отметил эту судебную реформу в своих примечаниях к «Богословско-политическому трактату»⁶⁶.

Позиция Бенедикта Спинозы критически важна для идеи библейского происхождения самостоятельной судебной власти и доктрины разделения властей.

Разделение властей как философско-правовая доктрина имеет глубокие исторические корни. Обычно авторство приписывают почтенным англичанину Джону Локку и французцу Шарлю Монтескье. Другие исследователи идут дальше, называя древних мудрецов Аристотеля, Эпикура и Полибия. Еще более правильным при поиске истоков доктрины обратиться к Книге Книг — Библии: именно там впервые независимая судебная власть противопоставлена власти царской.

О разделении властей во все времена можно с уверенностью говорить только, когда судебная власть отделена (полностью либо частично) от исполнительной и законодательной власти и пользуется достаточной независимостью. Еще одним из критериев разделения властей является, если так можно выразиться, «подсудность» главы государства, руководителя исполнительной власти. Авторы Библии в Книге Судей сформулировали важнейший доктринальный тезис о божественном происхождении судебной власти и ее независимости. Божественное происхождение царской власти было важнейшим и идеологически доктринальным обоснованием монархической власти многие десятки веков и вспоминалось поэтому в тысячи раз чаще, чем такое же происхождение судебной власти.

⁶⁵ Там же. С. 83–84.

⁶⁶ Там же. С. 425.

Здесь речь идет не о развернутой теории разделения властей, которая была сформулирована в достаточно законченном (но, я верю, не окончательном) виде в XVII—XVIII веках, и практически во многом воплощена в конце XVIII века в США. Такого разделения властей в Библии нам не найти. Но доктрина начинает свое существование не с окончательной формулировки, а с первого письменно четко выраженного важнейшего доктринального тезиса. Судьи, описанные в Книге Судей и последующих книгах Ветхого Завета, занимались отпращиванием правосудия. Некоторые это совмещали с обязанностями священника или пророка, иногда в военные годы — военного руководителя. В этом смысле судебные функции четко не отделены от других, и мы не видим современного разделения властей. Зато видим по тексту Библии, что судебная власть «установлена Богом» ранее власти царской и имеет сама по себе божественное происхождение.

Далее, на стыке окончания Эпохи Судей и появления первых библейских царей, мы находим прямое противопоставление и открытое столкновение судьи Самуила и царя Саула, что подтверждает независимость суда от появившейся монархической власти. Кроме того, мы находим там же страстную проповедь судьи Самуила против неограниченной царской власти как государственного института. Всего этого вместе взятого вполне достаточно, чтобы сказать, что в тексте Ветхого Завета сформулированы важнейшие положения доктрины разделения властей.

Изучая историю этой доктрины, нельзя не отметить ее фрагментарность, а также замкнутость периодов развития в рамках той или иной исторической эпохи. Развитие доктрины происходило как бы рывками, порой без непосредственной связи одного периода с предыдущим либо последующим. Так, библейское письменное закрепление независимости суда и отделения судебной власти от царской оказало прямое влияние на американскую концепцию разделения властей. Возможно, и на Афины до нашей эры, где мы находим элементы разделения властей. В свою очередь, государственные образцы Древней Греции прямо влияли на модель разделения властей в республиканском Древнем

68 Риме. Позднее примеры античной государственности, бесспорно, повлияли как на республиканские города-государства Европы времен Возрождения, так и, конечно, на американцев при создании Конституции США.

Историю доктрины разделения властей нужно рассматривать как историю не только развития идеи, но и практического воплощения этой идеи в жизнь. А также неэвклидов параллелизм древнегреческой и библейской линий развития. Иногда доктрина развивалась де-факто в практической государственной деятельности, как в древних Афинах и Риме, иногда чисто умозрительно, теоретически (Локк, Монтескье). При этом конкретная каждодневная деятельность флорентийской Синьории или Сената США не менее важна в истории доктрины, чем статья или книга теоретика, специально ей посвященная. Прогресс заключается не в непрерывном линейном движении вперед, но и в остановке, а нередко в боковом движении или возврате. Иногда вернуться к исходной точке много лучше и прогрессивней, чем упорствовать в продолжении по ошибочно выбранному пути. Так произошло, например, у американцев, когда после оглушительного Уотергейтского дела 1974 года они во многом вернулись от зарождающегося «имперского президентства» к традиционным истокам американской концепции разделения властей.

Следует различать разделение властей в широком и узком смысле этого конституционно-правового понятия. Разделение властей в широком смысле включает в первую очередь формирование и последовательное проведение принципа разделения судебной власти с властями исполнительной и законодательной, независимость суда и подсудность главы исполнительной власти. Разделение властей в узком смысле в государствоведческой литературе чаще всего рассматривают с позиций разделения и структурно-функционального разграничения каждодневной деятельности исполнительной и законодательной властей. К этому подходу примыкает и часто цитированное раньше суждение К. Маркса о «прозаическом характере» разделения властей как простого разделения управленческих полномочий.

Как писал Монтескье, судебная власть в разделении властей как бы «невидима», а мы добавим, что «невесомый баланс», придаваемый судебной властью, не всегда и не везде очевиден. Поэтически-доктринальное обоснование разделения властей, впервые выдвинутое в Библии и подхваченное через тысячелетия создателями Конституции США, сделавшими судебную власть «видимой», а баланс, поддерживаемый ею, «весомым», нужно отделить от распространенного практико-прозаического подхода, где главным является поддержание достаточного влияния законодательной власти перед лицом исполнительной (республиканской или монархической) бюрократии и где судебная власть остается на втором плане. Последний подход характерен для большинства наших исследователей.

В монографии томского исследователя А.М. Барнашова дан интересный анализ исторических корней доктрины разделения властей, начиная с Платона, Аристотеля и Полибия. Автор находит характерные цитаты у Платона, который различал законодательство, управление и правосудие как формы государственной деятельности, а также у Аристотеля, различавшего такие «элементы» политического устройства, как законодательный орган, административную магистратуру и судебные органы. Важно, что оба великих древнегреческих мыслителя говорили об «идеальном» совершенном государстве, т.е. давали доктринальное толкование проблемы⁶⁷.

Если к этому добавить, что Древние Афины представили пример разделения властей, то кажется, что нет проблем с констатацией, которая и была сделана В.В. Абашмадзе, утверждавшим, что «учение о разделении властей так же старо, как и сами государство и право»⁶⁸.

Отказ в неведомой «абстракции политического государства или власти политического государства» Платону или Аристотелю представляется более чем смелым, так же

⁶⁷ Барнашов А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988.

⁶⁸ Абашмадзе В.В. Учение о разделении государственной власти и его критика. Тбилиси, 1972. С. 4.

как и игнорирование реалий разделения властей в Древних Афинах. Ведь даже генералиссимус абстракции Гегель отмечал как государственно-правовую сенсацию тысячелетий признание афинским тираном Писистратом подсудности своих действий афинскому суду-ареопагу. «Абстракция политического государства и абстракция власти политического государства» может обнаружиться и в библейской дискуссии судьи Самуила со старейшинами библейских племен, когда он им объяснял, что власть царя, о введении которой они просили, будет означать изъятие земель, имущественные обороты, обязательную воинскую службу, утрату свободы личности (Первая книга Царств, гл. 8). Я благодарен Р.А. Папаяну за авторитетную, то есть основанную на авторитете библейского текста, поддержку идеи о библейском происхождении самостоятельной судебной власти и доктрины разделения властей. В его монографии приведены серьезные и подробные доводы по этому поводу⁶⁹.

Шарль Монтескье удачно сформулировал многие положения доктрины, но отнюдь не был ее первооткрывателем. «Классовый компромисс между различными социальными группами» более насыщал своим содержанием разделение властей в государственном строе Флорентийской республики XIV—XV веков, как его трактовал Макиавелли, чей историко-философский анализ больше продвинул развитие доктрины, чем даже идеи Монтескье середины XVIII столетия. Потеря историзма в исследовании развития доктрины разделения властей означает утрату понимания ее общечеловеческого и всеобъемлющего характера.

Как Моисей удерживал и направлял такую массу людей и внедрял принятое на горе Синай законодательство? Кем он был для них? Безусловно, пророком, говорящим от имени Бога и подтверждающим это различными знаменами, а также (что очень важно для нас) законодателем и судьей. Библейский народ был разделен на 12 племен, что восходило к традициям израильских патриархов еще до так называемого египетского плена. Вероятно, египетские рабы,

⁶⁹ Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М., 2002. С. 190, 284–291.

участвовавшие в прорыве из Египта, организационно присоединились к тому или иному еврейскому семейному клану, и поэтому общее число племен не изменилось. Разделение это сохранялось и после Моисея не менее трех-четырёх столетий.

Предводители этих кланов осуществляли в них руководство в силу старшинства. Однако они монопольно не осуществляли судебных функций. Тесть Моисея навестил его вскоре после исхода из Египта. Дальнейшее лучше изложить по тексту главы 18 Книги Исход:

18: 13. На другой день сел Моисей судить народ, и стоял народ пред Моисеем с утра до вечера.

И видел тесть Моисеев все, что он делает с народом, и сказал: что это такое делаешь ты с народом? для чего ты сидишь один, а весь народ стоит пред тобою с утра до вечера?

И сказал Моисей тестю своему: народ приходит ко мне просить суда у Бога;

когда случается у них какое дело, они приходят ко мне, и я сужу между тем и другим, и объявляю уставы Божии и законы Его.

Но тесть Моисеев сказал ему: не хорошо это ты делаешь:

ты измучишь и себя и народ сей, который с тобою, ибо слишком тяжело для тебя это дело: ты один не можешь исправлять его;

итак, послушай слов моих; я дам тебе совет, и будет Бог с тобою: будь ты для народа посредником пред Богом и представляй Богу дела его;

научай их уставам Божиим и законам Его, указывай им путь Его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать;

ты же усмотри из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над ним тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками;

пусть они судят народ во всякое время и о всяком важном деле доносят тебе, а все малые дела судят сами: и будет тебе легче, и они понесут с тобою бремя;

если ты сделаешь это, и Бог повелит тебе, то ты можешь устоять, и весь народ сей будет отходить в свое место с миром.

И послушал Моисей слов тестя своего и сделал все, что он говорил;

и выбрал Моисей из всего Израиля способных людей и поставил их начальниками народа, тысяченачальниками, стона начальниками, пятидесятина начальниками и десятиначальниками;

и судили они народ во всякое время; о делах важных доносили Моисею, а все малые дела судили сами.

И отпустил Моисей тестя своего, и он пошел в землю свою.

Хотя в пункте 21 мы находим слова «тысяча» «сто» и «начальники», но ни до, ни после нет никакого намека на то, что речь идет о чисто административных руководителях. Нет и упоминания о связи назначенных судей со старшинством или богатством.

Приведем оценку этого события авторитетными комментаторами. В знаменитом англо-американском комментарии сказано, что тесть посоветовал Моисею делегировать свои судебные полномочия, что привело к установлению иерархической структуры для решения споров⁷⁰.

Английский автор Д. Соммервилл пишет, что Моисей воспринял совет тестя «назначить младших судей для рассмотрения менее трудных дел»⁷¹.

Знаменитый американский комментатор М. Коен изложил совет тестя Моисею как предложение назначить людей для надзора за группами (в тысячу, сотню и т.д. человек) с целью судебного разбора обыкновенных дел, возникающих в этих группах. Только «специальные дела» должны предоставляться для рассмотрения самим Моисеем⁷².

⁷⁰ New Bible Commentary, 21st Century Edition. Intervarsity Press, Illinois, 1994. P. 107.

⁷¹ Sommerville D. Who's who in the old Testament. N.Y., 1995. P. 99.

⁷² Mortimer Cohen, Pathways Through the Bible. Philadelphia, 1987. P. 85.

Американский автор Пауль Джонсон отмечает восприимчивость Моисея к разумным советам, когда по рекомендации тестя он создал «постоянно действующую и обучающую судебную власть»⁷³.

Профессор Джон Прист, вероятно, смущенный тем, что в совете тестя судьи и начальники упомянуты вместе, пишет, что действительная суть этого делегирования полномочий в Библии не разъяснена. В то же время, анализируя различные варианты английских переводов этого и других мест Ветхого Завета, он считает, что можно прийти к заключению, что «судебные решения исходят от Бога независимо от того, что они оглашаются людьми (судьями, священниками и т.д.)». Далее он замечает: «Названия различных должностей упоминаются, но как они соотносятся друг с другом, неясно. Иногда священники и судьи разделяют полномочия. В одних случаях священники являются единственными арбитрами, в других упомянуты только судьи и среди других отдельно старейшины»⁷⁴.

Джеймс Сандерс указывает, что по совету тестя Моисеем «установлен институт правовой профессии старейшин» и что «юриспруденция практиковалась с этого раннего момента»⁷⁵. Отметим, что у Сандерса неудачно используется термин «старейшина», не слишком подходящий к людям, которых, как мы помним, отбирали по способностям и моральным качествам, а не по возрасту.

М. Левиттис считает, что Моисей заложил основы для наделения определенных лиц полномочием осуществлять правосудие и решать вопросы права в связи с их способностями и моральными качествами⁷⁶. В другой своей книге этот же автор отмечает, что после делегирования права рассматривать рядовые дела Моисей исполнял по сути полномочия высшего судебного органа. Критерии для отбора судей (по «способностям», а не по возрасту) вошли в со-

⁷³ Johnson P. History of the Jews. N.Y., 1988.

⁷⁴ What the Bible Really Says. San Francisco, 1993. Pp. 54–55.

⁷⁵ Sanders J. Torah and Canon. Philadelphia, 1972. P. 32.

⁷⁶ Lewittes M. Jewish Law. An Introduction. New Jersey, 1994. Pp. 58–59.

став иудейского права⁷⁷. Наконец, историк Макс Даймонт, книга которого разошлась миллионами экземпляров, привел многократно цитированную фразу: «Моисей также заложил основы для другого разделения, которое стало неотъемлемой чертой любой демократии. Он создал независимую судебную власть»⁷⁸.

Из книги «Второзаконие» (1: 16, 17) Ветхого Завета мы узнаем напутствия Моисея, данные судьям: «И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушивайте братьев ваших и судите справедливо как брата с братом, так и пришельца его. Не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте: не бойтесь лица человеческого; ибо суд — дело Божье; а дело, которое для вас трудно, доводите до меня, и я выслушаю его». И далее в главе 19:

19: 15. Недостаточно одного свидетеля против кого-либо в какой-нибудь вине и в каком-нибудь преступлении и в каком-нибудь грехе, которым он согрешит: при словах двух свидетелей или при словах трех свидетелей состоится дело.

Если выступит против кого свидетель несправедливый, обвиняя его в преступлении,

то пусть предстанут оба сии человека, у которых тяжба, пред Господа, пред священников и пред судей, которые будут в те дни;

Судьи должны хорошо исследовать, и если свидетель тот свидетель ложный, ложно донес на брата своего,

то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему; и так истреби зло из среды себя;

и прочие услышат, и убоятся, и не станут впредь делать такое зло среди тебя;

Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу.

Моисей был причислен Никколо Макиавелли в его работе «Государь» к величайшим правителям мира наряду с

⁷⁷ Lewittes M. Religion Foundations of the Jewish State. New Jersey, 1994. P. 8.

⁷⁸ Dimont M. Jews, God and History. USA, 1994. P. 45.

Цезарем и другими. При этом Моисей отнесен к категории «невооруженного пророка». И действительно, он не имел ни полиции, ни налогов, ни охраны, ни какого-либо другого атрибута власти. Его преклонный возраст не позволял предположить, что он правил с помощью собственной физической силы. Поэтому способность разбирать сложнейшие судебные споры имела важнейшее значение для укрепления его авторитета среди разных кланов библейского народа.

В любой серьезной исследовательской работе иногда некое, пусть даже интуитивное, откровение часто позволяет быстрее продвинуться вперед, чем кропотливое изучение частностей. Так, вспышка молнии может лучше прояснить картину значительного явления, чем планомернодвигающийся прожектор. Вероятно, это относится и к взаимосвязи истории библейских истин с проблемами современной жизни каждого поколения. «Библия противоречива и драматична, как сама жизнь. Откровение воспринимали люди многих поколений, и Слово Господне всегда давалось в соответствии с уровнем той или иной эпохи... Ветхий Завет есть не только история открывающегося Слова Божия. В нем описывается и ответ человека на это Слово», — читаем мы у протоиерея Александра Меня. Далее он пишет: «Только понимая всю сложность постепенного раскрытия истины и преобразования ею человека, мы можем воспринять Библию как единое целое». Подчеркнем слово «постепенное», поскольку оно относится, как нам кажется, к важнейшему вопросу об индивидуальности восприятия смысла Библии каждым поколением, постоянной незавершенности в восприятии библейских истин, следовательно, возможности открытия в них нового по сравнению с прошедшими поколениями.

Многочисленность авторов и переписчиков, постепенность создания текста Библии также наложили неизгладимый отпечаток на проблему восприятия, которое, вероятно, было и будет постепенным. «Печать индивидуальности — порой яркой и необычной — лежит на многих произведениях библейской письменности. Сухой и строгий стиль законодательных разделов мало похож на драматическое описание жизни Давида или пламенные речи пророков, — отмеча-

ет А. Мень, — Библия, таким образом, есть одновременно и Слово Божие, и слово человеческое». Я пользовался привилегией с любезного разрешения семьи знакомиться с рукописями Отца Александра Менья в его доме до их публикации и поэтому сохраняю их «нецитированность» из впоследствии изданных книг.

Большое значение имеет и множественность, «постепенность» переводов. Ведь, как пишет Александр Мень, Ветхий Завет был первой книгой в истории, переведенной на иностранный язык. Кирилл и Мефодий составили в конце IX века славянский алфавит с целью перевода Библии. Царское правительство до середины XIX столетия препятствовало созданию нового полного перевода Библии на русский язык и распространенный сейчас синодальный перевод появился только в 1879 году. В США, например, до сих пор идет работа по улучшению английского перевода Книги Книг. Возрождается работа по совершенствованию перевода и в России. Все это показывает современность и актуальность Библии не только для верующих, но и для всех, кто хочет понять суть, в том числе, правовых доктрин и концепций, связанных с многозначными библейскими текстами. А. Мень отмечает, что изложение законов, как религиозно-нравственных предписаний, так и правовых норм, отмечено в Библии торжественностью стиля и афористичностью. Нормы гражданского и уголовного права переплетены с нравственными предписаниями, что должно было повышать авторитет правовых предписаний. Исполнение законов было не механическим, а высшим духовным действием человека.

Библейский запрет «творить неправый суд», так же как и отделение Моисеем судейских функций и отбор для их исполнения наиболее «способных людей», являются первыми и главными историческими основами судебной власти, о которых не следует забывать. Вероятно, не случайно авторитет суда традиционно столь высок в странах, где Библия, в отличие от России, уже многие века является достоянием и неотъемлемой частью знания среднего гражданина.

Юридический элемент морально-религиозного сознания, восходящий к старейшим библейским источникам, так

же как идущий оттуда же светский морально-нравственный элемент юридического сознания, в конечном счете, являются частью целого, называемого, скажем, «правовое государство» или «верховенство права». Для современной России, которая сама себя пытается вытащить за волосы из гнилого болота традиционного правового нигилизма, важно осознание необходимости вернуться к Библии. Если кто-то из юридического сословия в силу советской атеистической традиции не найдет в Библии источник нравственного вдохновения, то он обязан по крайней мере знать об исторических корнях основных правовых ценностей. Поскольку без такого знания их просто невозможно ни понять, ни применить. А. Мень неоднократно подчеркивает библейскую идею неприятия абсолютизма, догматизма, неограниченной монархической власти: «В Библии господствует отрицательное отношение к царской власти, — пишет он — Вся Библия проникнута духом протеста против автократии. В этом отношении Библия резко противостоит почти всему Древнему Востоку... Человека, читающего Библию, поражает то резкое осуждение, с которым она говорит о царях... Выступая против обожествления кесаря, христианство бросало вызов и той тенденции в религиозной психологии, которая состояла из смешанных чувств подчинения и страха, восторга и жажды сильной руки». Он высказал мысль о том, что любой культ личности является самообожествлением государства, и этому должно противостоять истинное религиозное и нравственное сознание: «не административные манипуляции и не обожествление власти, а нравственный рост людей является решающим фактором во всех сферах жизни».

Значения слов «суд» и «судить» в Ветхом Завете и Новом Завете не всегда абсолютно идентичны, поскольку в последнем эти слова часто относятся к Божьему суду в загробном мире, которого Ветхий Завет не знает. Поэтому в Ветхом Завете Божий суд — это суд, творимый человеком-судьей от имени Бога или со ссылкой на Божий Закон, это суд, всегда осуществляемый при жизни, т.е. чаще всего производимый посредством человека-судьи. Хотя там, где речь идет о наказании как результате Божьего суда, это может быть и землетрясение, наводнение, эпидемия, на-

сылаемая на наказанных, а не только формальный приговор или решение, оглашаемое земным судьей по воле Бога.

Ветхозаветные правовые нормы применялись земными судьями. Приведем пространную цитату известных итальянских комментаторов Ветхого Завета Э. Гальбиати и А. Пьяцца: «Здесь мы видим очень примитивную, но вместе с тем справедливую форму уголовного права; она давала возможность предохранить невинных от нападения и сурово наказать виновных, строго соразмеряя наказание со степенью тяжести преступления. Применение закона возмездия обычно осуществлялось судьями, поставленными для этого в каждом городе, но не являлось их исключительным правом. В первобытном обществе (каким всегда более или менее оставался Израиль), где не было полиции и судьями были старейшины, часто пристрастные или продажные, где центральная власть никогда не была сильна и не могла пресекать преступления, закон возмездия применял всякий, кто был в состоянии это сделать, и это не являлось незаконным действием, если по-другому нельзя было осуществить правосудие... Мечь и правосудие становятся в таких обстоятельствах синонимами»⁷⁹.

Продолжая эту мысль, можно сказать, что в то время синонимами становятся «судья», осуществляющий правосудие в качестве третейского арбитра для граждан разных городов и племен и тем самым поддерживающий единообразие законов и единство библейской нации (Самуил), и «воитель-освободитель», мстящий напавшему врагу личной силой (Самсон), или полководческим талантом сохраняющий свободу и жизнь своему народу (Геден). При этом авторитет, завоеванный на поле брани, в мирные годы давал основания быть судьей в обычном смысле этого слова, точно так же, как успешное третейское судейство споров граждан разных городов и племен давало право на занятие места главы племен, собравшихся для отпора внешнему врагу (Девора).

Следует обратить внимание на ранее распространенную точку зрения, что судьи были пророками, и поэтому

⁷⁹Трудные страницы Библии. М., 1995. С. 257.

главным является не судейская должность, а пророческий дар. Можно согласиться, что вершимое от имени Божьего закона правосудие того времени требовало некоторых провидческих свойств.

У итальянских комментаторов мы находим важную мысль, относящуюся к нашей теме: «В Ветхом Завете трагически преломляется напряженность в отношениях между Богом и человечеством. Бог призывает человека так, как будто нуждается в нем; требует его сотрудничества в осуществлении великих планов и ждет от него ответа. Человек не отвечает, восстает или отклоняется от правового пути; вместо великих и прекрасных дел творит безобразные или ничтожные. И тогда его постигает кара. Такова тема библейской праистории, странствия к земле обетованной, гимна Моисея, Книги Судей, личной истории Саула...»

Наказание первому царю Саулу было объявлено судьей Самуилом. Судьи были и до царей, более того, деятельность судей по непрерывному осуществлению единого правосудия для разных племен в сочетании с периодически воинскими подвигами некоторых из них по возмездию вторгнувшемуся внешнему врагу на несколько веков отодвинули введение в древнем Израиле повсеместно распространенной в те времена на Востоке монархической власти. Отсюда первичность судебной власти, ее независимость и самостоятельное значение перед лицом власти монархов или народных собраний и советов старейшин.

Известный исследователь В.В. Сорокин пишет:

Надо заметить, что исторически первой ветвью власти, ставшей известной еврейскому народу, была власть судебная. О судьях, поставленных Моисеем, упоминает, в частности, Книга Исхода (Исход, 18: 13–26). Рассказ этот в известной нам сегодня форме появляется сравнительно поздно, вероятнее всего, в VI в. до н.э., одновременно с полным текстом Шестикнижия, включавшего в себя Пятикнижие и Книгу Иисуса Навина. Однако у нас нет оснований сомневаться в раннем происхождении предания, лежащего в основе данного рассказа. Некоторые дополнительные штрихи добавляет к нему упоминание об избрании судей и начальников-распорядителей в Книге Второзакония, ядро

которой восходит, по-видимому, к IX или VIII в. до н.э.: здесь прямо говорится о том, что все руководящие должности в народе были выборными, что, очевидно, касается и судей тоже (Второзаконие, 1: 9–18). Как именно соотносились полномочия этих выборных начальствующих лиц и судей с полномочиями традиционных родоплеменных институтов, сказать сложно (возможно, речь идет об особых военных вождях, власть которых была ограничена кочевым периодом, когда военные действия были частыми и неожиданными), но, во всяком случае, судебная власть уже во времена Моисея занимала в еврейском обществе центральное место. То же самое можно сказать и о религиозно-политическом проекте, который нашел свое отражение в Книге Второзакония: здесь именно судебной власти отдается приоритет, как институту, ответственному за чистоту Торы и за ее соблюдение народом-общиной. Что касается власти исполнительной (в лице царя), то она находится по отношению к судебной власти в положении если не подчиненном, то, по крайней мере, вторичном...⁸⁰

Тысячелетия божественное помазание королей и царей было идеологической опорой любого тиранического самодержавия. Корни чувства собственного превосходства у современной и вполне светской исполнительной власти идут, разумеется, оттуда же. Этот мистический нарциссизм монархов, президентов и правительств, как порой парламентов и конвентов, можно и должно развеять обращением к библейскому первоисточнику и буквальным прочтением его. Тогда Золушка — судебная власть — сможет попасть на пышный бал исполнительных и законодательных амбиций со всеми вытекающими и столь необходимыми для общества положительными последствиями.

Бывший секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев так рассуждает о религиозных основах российского государства: *Я как историк считаю – и, знаю, многие не согласятся со мной, – что российские беды идут от того, что Русь приняла византийский вариант христианства, в котором*

⁸⁰ Философия права Пятикнижия. С. 205.

человек – ничто, он на коленях, а Государство и Церковь – над ним. Отсюда – деспотия, тоталитаризм, гонения на инакомыслящих...⁸¹

Если классик доктрины разделения властей Шарль Монтескье в своей книге «О духе законов» считал судебную власть «невидимой», то в Ветхом Завете она является отчетливо видимой и значимой. То, что многие толкователи Библии традиционно считали судей простыми военными вождями, связано с традиционной ошибкой комментатора стараться быть умнее комментируемого текста.

Об этом очень четко написали уже цитированные итальянские авторы: «Ошибка состоит в отказе от буквального смысла в пользу так называемого символического и духовного смысла, который некоторые считают панацеей от всех трудностей Писания, и в особенности Ветхого Завета. Каким соблазнительным ни кажется этот метод с точки зрения апологетической и пастырской, он может привести к полной утрате доверия к священному библейскому тексту, ибо вместо того, чтобы отыскивать в нем подлинную божественную мысль и исследовать ее, его превращают в полигон для упражнении в бесконтрольном субъективизме»⁸².

Толкование Библии не является привилегией профессионалов. В мире нет профессоров по Библии, есть только студенты, различающиеся в зависимости от углубленности изучения Великой Книги старшинством курсов. В понимании Библии нет дилетантов или профессионалов. Эти древние тексты потому и сохранились в веках, что каждый, кто хочет, находит в них то, что предназначено именно для него. Не все библейские истины открыты, поняты правильно и окончательно истолкованы. В этом источник жизни не только самого библейского духовного сознания, но и потребности любого человека прикоснуться к святыням библейской мудрости. Каждое время, каждое поколение может найти в этих текстах новый смысл, новый источник вдохновения, в том числе для исследования и практической деятельности.

⁸¹ Газета «Московские новости». 1997. 2 февраля.

⁸² Гальбиати Э., Пьяцца А. Указ. соч. С. 9.

Библия не только открывает нам глаза, но и открывается от жара наших глаз. Герою романа Германа Гессе «окончательно открылся этот феномен христианства, которое столько раз за века отставало от современности, устаревало, окостеневало и все-таки снова и снова вспоминало о своих источниках и обновлялось с их помощью, опять оставляя позади себя все, что было современным...»⁸³

Разумеется, то же самое можно сказать и о светских интеллектуальных идеях Библии, включая философско-правовые идеи.

Важным вопросом также является принцип толкования библейских текстов. Мы предлагаем самый простой и древний способ чтения текста: считать первичным то, что в нем написано, а любого рода комментаторам предложить представить соответствующие ссылки на текст. Тем более когда речь идет о толковании Ветхого Завета.

Если исходить из содержания Книги Судей и других книг Ветхого Завета, слово «судья» должно означать, как минимум, участие в отправлении правосудия, так же как и слово «судил». Среди главных проблем библейских племен последующей Эпохи Судей были: раздробленность, разлагающее влияние религиозных культов соседей, а также вооруженные вторжения последних.

Главной задачей судьи было «повиновение заповедям Господним», то есть соблюдение полученного от Моисея законодательства. Тем самым судьи «спасали» библейский народ не столько от вооруженных нападений, сколько от поклонения чужим богам и от несоблюдения установленного народу законодательства. «И воздвигал им Господь судей, которые спасали их от рук грабителей их. Но и судей они не слушали, а ходили блудно вслед других богов и поклонялись им, скоро уклонялись от пути, коим ходили отцы их, повинувшись заповедям Господним... Но как скоро умирал судья, они опять делали хуже отцов своих, уклоняясь к другим богам, служа им и поклоняясь им» (Книга Судей, 2: 16, 17, 19). При «уклонении» к другим богам библейские

⁸³ Гессе Г. Игра в бисер. М., 1992. С. 164.

законы, которые применялись от имени Бога, естественно, уже не исполнялись. Единообразие применения законов было исключительно важным для выживания библейского народа. Поэтому слово «шофет», которым называли судью, имело тогда и такое значение: «тот, кто решает, разрешает», что также можно относить к разного рода спорам и тяжбам. И.И. Скворцов-Степанов считал, что «князей племен в точном значении этого слова, по-видимому, не было», а главной задачей «шофетов» (судей) «было судить и организовывать общественный разбор судебных дел»⁸⁴.

Существуют предписания Моисея, где он описывал будущее устройство Израильского государства, когда у библейского народа (в момент получения этих предписаний ночевавшего в пустыне) появятся города, и у ворот этих городов по восточной традиции будет производиться суд. Так вот, в случае, «если по какому делу затруднительным будет для тебя рассудить между кровью и кровью, между судом и судом, между побоями и побоями, и будут несогласные мнения в воротах твоих (то есть в составе местного суда. — П.Б.), то встань и пойдй на место, которое изберет Господь, Бог твой» (Второзаконие, 17: 8).

Моисей прямо указывает, что место может изменяться в зависимости от того, кто в данный момент будет иметь среди 12 племен достаточный завоеванный пророческим даром или чем иным авторитет, чтобы быть всеми признанным судьей для окончательного решения спора. Более того, решения этого «третейского судьи» должны были соблюдаться под страхом смерти (Второзаконие, 17: 12), что, судя по некоторым замечаниям из «Книги Судей» (2: 17), не всегда соблюдалось и, в итоге, как и предсказывал Моисей, привело к созданию монархии (Второзаконие, 17: 14).

Конечно, судебная власть и разделение властей в библейские времена в современном смысле слова не существовали, но тогда были заложены ее следующие доктринальные предпосылки:

⁸⁴ Критика иудейской религии. М., 1962. С. 90.

1. Божественное происхождение судебной власти.
2. Первичность судебной власти в смысле ее появления ранее власти царской.
3. Проповедь судьи Самуила против неограниченной царской власти.
4. Конституция Моисея-Самуила.
5. Помазание первого царя Саула и второго царя Давида судьей Самуилом.
6. Конфликт между судьей Самуилом и царем Саулом, ставший губительным для наследников царя.

Е.Б. Рашковский пишет:

Высокий статус (включая и статус царственный) требует от человека – опять-таки в идеале! – не только осторожности и осмотрительности, но и некоторой внутренней аскезы, связанной со способностью преодолевать искушения власти и богатства, но и некоторой сердечности в отношении к людям. Этой проблеме посвящен один из заключительных и притом – один из самых проникновенных и загадочных пассажей Книги Притчей, который вменяется не израильским царям Соломону или Езекии (Хизкии), ни даже израильтянину-подданному, но иноплеменнику и язычнику – воображаемому Лему-Элю, царьку аравийского племени Масса. Афористический монолог этого премудрого варвара достоин того, чтобы быть приведенным и прочитанным полностью. Ибо в нем – один из сгустков политического дискурса Книги Притчей:

Слова Лему-Эля, царя из Массы,

которыми наставляла его мать.

Что поведать тебе, сынок? Что поведать тебе,

сын утробы моей?

Что поведать тебе, сын обетований моих?

*Не растрачивай с женщинами мощи твоей –
не сбивайся с пути ради разорительниц царей.*

Не царям, Лему-Эль,

не царям упиваться вином,

не вельможам упиваться брагою, –

иначе, упиваясь, позабудут они законы,

и извратят пути правосудия для всех,

кто обездолен.

*Подайте браги тому, кто гибнет,
 а вина – кому горько на душе:
 выпьет – и забудет беду свою,
 и не вспомнит о страдании своем.
 Уста твои – открывай ради безгласных,
 ради правосудия для всех незащитных.
 Уста твои – открывай ради суда праведного,
 ради правосудия для бедных и нищих.*
 (Перевод Е. Рашковского)

Позиция некоторых комментаторов, что Самуил действовал в отношениях с царями не как судья, а как пророк, не может восприниматься всерьез: по отношению к нему сама Библия не проводит такого разграничения. Вполне можно понять, что традиционный подход к Библии, суть которого: «Боже царя (любого действующего начальника) храни», может без удовольствия встретить нашу попытку поставить рядом с традиционным «помазанником» еще и «какого-то там судью». Однако это, видимо, придется признать. Еще Фрэнсис Бэкон сказал: «Суд есть место священное». Божественное происхождение суда, четко записанное в Библии, уравнило его с монархом, а значит, создало важнейшее доктринальное основание для последующего развития теории и практики разделения властей.

Приведем интересную цитату из трактата «Монархия» великого Данте: «Всюду, где может возникнуть раздор, там может быть и суд, иначе несовершенное существовало бы без того, что придает ему совершенство, а это невозможно, коль скоро Бог и природа всегда даруют необходимое. Между любыми двумя правителями... может вспыхнуть раздор... Следовательно, их должен рассудить суд. И так как один не ведает другого, так как один другому не подчиняется (ведь равный не подвластен равному), должен быть кто-то третий, с более широкими полномочиями, главенствующий над обоими в силу своего права... следовательно, нужно дойти до первого и высшего судьи...»⁸⁵
 Средневековая логика Данте, увязывавшего, правда, выс-

⁸⁵ Данте А. Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 312.

ший международный суд с императором, под юрисдикцией которого находятся несколько государств, в целом совпадает с библейской из Книги Судей.

Ведущий конституционалист профессор Колумбийского университета Луис Хенкин писал в статье, что разделение властей, так же как сдержки и противовесы, являющиеся базисными принципами американского конституционализма, без особой натяжки соотносятся с библейским отделением власти царя от пророка или священника, что в итоге «послужило важным ограничителем земной политической власти»⁸⁶.

Как можно понять из нашей переписки с Л. Хенкиным, он ограничился отсылкой к разделению религиозной и светской власти, поскольку точное название термина «судья» не представляется для него очевидным из-за древности и неполноты библейского текста и различных подходов комментаторов Ветхого Завета. Мне кажется, что для подобной неуверенности нет места, если ориентироваться на текст Библии, а не на ее толкования. Как правильно отметил философ Бенедикт Спиноза, не следует приписывать понятным местам Библии противоположный смысл. В своем «Богословско-политическом трактате» он писал: «Если же вдобавок позволяют измышлять, что Писание думало иначе, но по какому-то неизвестному основанию пожелало так написать, то тогда выйдет не что иное, как полнейшее извращение этого Писания»⁸⁷.

Хотелось бы подробнее привести анализ крупнейшего знатока Библии, создателя современного языка иврит и основателя современного Иерусалимского университета, юриста и писателя Владимира Жаботинского (1880–1940). В романе «Самсон Назорей», написанном по-русски, но впервые изданном в России в 2000 году, Жаботинский описал, как, по его представлениям, осуществлялось право-

⁸⁶ Henkin L. The Constitution and other Holy WRIT: Human Rights and Divine Commands, Offprinted from the Judeo-Christian Traditions and the US Constitution: Conference at Annerberg Research Institute. 1987. P. 61–62.

⁸⁷ Спиноза Б. Богословско-политический трактат. Минск, 1998. С. 298.

судие в эпоху Судей. Он считает, что третейский судья нужен был, в первую очередь, по тем спорам, которые не мог или не хотел рассудить староста или старейшины любого даже мелкого селения. То есть даже в рамках одного племени Дана, к которому принадлежал Самсон, трудно было найти правосудие, традиционно привлекая только старейшин. Во-первых, они в условиях маленького селения были почти наверняка родственниками или свояками одной из сторон. Во-вторых, судить некоторые дела было небезопасно. Приведем пример суда из романа Жаботинского, который был по плечу только силачу Самсону. Вражда из-за земли между скотоводами и земледельцами привела к убийству. И далее по роману:

Такого убийцу привели к Самсону. На сходке вокруг судьи пастухи столпились с одной стороны, земледельцы с другой, как два лагеря. Самсон посмотрел на тех и других и сказал:

– Если затеете драку, перебью всех без разбору. Вызывайте свидетелей...

Самсон предложил семье убитого на выбор – побить виновного камнями или взять выкуп...

– Не дам выкупа, – упрямо сказал убийца...

Самсон взял его за правую руку и стиснул ее; почитатель Каина несколько минут извивался, бранился и вопил от боли, но под конец сдался и простонал:

– Дам выкуп – будьте вы прокляты с судьейю вместе!⁸⁸

В другом случае, если вновь обратиться к роману Жаботинского, Самсон умело решал гражданско-правовые споры, когда обходил селения.

Самсон выслушал эти жалобы, ничего на них не ответил и сказал:

– У меня мало времени. Вы меня звали прийти к вам судить. Есть у вас тяжбы?

Оказалось, что в этом селении скотоводов вообще никто не хочет идти к нему на суд – кроме двух братьев...

⁸⁸ Жаботинский В. Самсон Назорей. М., 2000. С. 129–130.

Далее, когда староста селения увидел, как Самсон рассудил спор об урожае, он велел явиться к Самсону на суд двум другим жителям⁸⁹.

Мы видим, что, по мнению крупнейшего знатока Библии, суд был третейским и под него попадали любые споры по желанию сторон, либо в случаях, когда эти дела неудобно было рассматривать местным старейшинам. При спорах жителей разных селений или племен роль третейского судьи еще больше возрастала. Важно было также, чтобы судью побаивались и беспрекословно исполняли его решения. Сила Самсона была залогом исполнения его решения.

Стали к нему повсюду приходить туземцы, прослышав о мудром судье. Сначала он отсылал их: согласно обычаю, они со своими дрязгами должны были судиться у собственных старост. Но оказалось, что у них и старост иногда нет... Когда он кончал обход, влиятельные люди повсюду были им в общем недовольны... Он слышал об этом недовольстве; и, вернувшись в Цору (столица племени Дана. – П.Б.), сказал:

– Я к ним больше не пойду; если я им нужен, пусть приводят своих воров и спорщиков сюда, к воротам Цоры.

Впоследствии – хотя не сразу – так оно и было. Не проходило месяца, чтобы к воротам Цоры не приводили издалека связанного преступника или не приходили, с толпой пыльных свидетелей, истец и ответчик...⁹⁰

Американец А. Грейм отмечает, что неокругленные периоды деятельности упомянутых в Ветхом Завете судей Фолы, Иaira, Есевона, Елона и Авдона свидетельствуют, что данные о них «восходят к источникам материала», т.е. к древнейшим (а не обработанным спустя столетия) библейским текстам. Далее он пишет: «Мы можем сделать еще один шаг, противопоставляя эти главы остальной части Книги Судей, и отметить, что сам термин «судья» уместен именно здесь». Два отрывка о судье Деворе и судье Самуиле дают этому комментатору возможность сделать вывод

⁸⁹ Жаботинский В. Указ. соч. С. 132–132.

⁹⁰ Там же. С. 140.

именно об отправлении ими чисто судейских функций. «Поскольку у нас нет другой информации, мы можем считать, что такие «судьи» играли, главным образом, мирную роль и что уважение к их мудрости при решении споров делало их естественным центром стремлений всех израильтян»⁹¹.

В обосновании божественного происхождения монархов библейских времен можно было встретить ссылки на судей-богов в эпосе того времени. Так, в анналах ассирийского царя Ашшурнасирипала II, кроме перечисления тысяч отрезанных для острастки носов, ушей и кистей рук, можно найти следующие строки: «Шамаш, судия, простер свою добрую сень надо мной, и я величественно воссел на престол, а он вручил мне скипетр, пасущий человеков»⁹². Солнечный бог Шамаш был судьей в рамках специализации среди многочисленных ассирийских богов. Этот нюанс все же не выходит за рамки доктринального обоснования божественного начала монархической власти, полученной от Бога, который воспринимался во всех религиях как «высший судия».

Весьма важно также сравнение с Египтом, где среди богов была богиня Маат, олицетворявшая «правопорядок». Судьи древнего Египта носили на шее изображение этой богини-женщины со страусовым пером на голове⁹³.

При одном из фараонов 18-й династии (XVI—XIII вв. до н.э.) в Древнем Египте появились судебные оракулы, которые вершили правосудие от имени богов, в том числе главного из них бога Амона. В официальных судах в отличие от оракулов клялись как именем Амона, так и именем действующего фараона⁹⁴.

Нельзя исключить, что бывший усыновленный принц египетского царского двора Моисей принес евреям, которые 400 лет непрерывно жили в Египте, таблицы с Десятью

⁹¹ Грейм А. Комментарий к книгам Ветхого Завета. Т. 6. Пер. с англ. 1993. С. 139–140.

⁹² Я открою себе сокровенное слово. Литература Вавилона и Ассирии. М., 1981. С. 251.

⁹³ Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. М.: Наука, 1976. С. 142–145.

⁹⁴ Там же. С. 179.

Заповедями, написанными, скорее всего, на понятном им языке египетскими иероглифами.

Кроме позитивных заимствований у Египта, древние израильтяне времен Моисея должны были в процессе тяжелого исхода из Египта иметь и некий негативный заряд, по крайней мере, по отношению к главе исполнительной власти — живому богу — фараону. Может быть, поэтому цари у них появились только через несколько веков и власть их напрямую производили от Бога.

Когда в Ветхом Завете обнаруживаем, что первый царь получил свою власть хотя и с одобрения Бога, но из рук судьи, что до появления первого царя библейские племена в течение примерно двухсот лет находились в ведении судьей, мы сталкиваемся с ясно выраженным доктринальным обоснованием божественности, а значит, священности судебной власти, ее самостоятельности и даже первичности по отношению к монархической власти. И речь идет не о богах-судьях, как в Ассирии, а о судьях-людях, реальных исторических личностях, существование которых, порой с неизбежной примесью легенды, описано в Библии. Американский исследователь Х. Поток пишет, что цивилизация шумеров, существовавшая 3000 лет до н. э., могла оказать влияние на израильских патриархов еще до египетского плена и они могли знать древние традиции некоторых шумерских городов назначать судьей на годичный срок для решения дел в конкретном квартале города или во всем городе⁹⁵.

Из этого следует, что Моисей не просто последовал совету тестя, а воспроизвел древнюю шумерскую традицию, впитанную патриархами доегипетского периода и сохраненную во время рабства в Египте.

Как указывали Э. Гальбиати и А. Пьяцца, поведение израильских патриархов «в юридических вопросах обнаруживает несомненные точки соприкосновения, судя по всему, не столько с Кодексом Хаммурапи, сколько с юридическими документами оседлых племен, населявших в первой

⁹⁵ *Potock Ch. (Wanderings)* — Fawcett Crest, N.Y., 1990. P. 24.

половине второго тысячелетия до Рождества Христова северные районы Месопотамии»⁹⁶.

Лучше всего идти через библейские холмы по удобной широкой тропе буквального чтения, лишь слегка опираясь на посох комментариев к тексту. Если же на каждом шагу обращаться к комментариям, зачастую разноречивым, невнятным либо излишне категоричным, насыщенным отсылками к другим и еще другим комментаторам, то дорога к библейскому тексту превращается в труднопроходимую чащобу. Чтение Библии — это прямой диалог, в котором посредники не являются абсолютно необходимыми, особенно для Ветхого Завета, «концептуальной особенностью которого может быть названа сквозная и постоянная диалогичность»⁹⁷.

Для российского читателя, особенно молодого, которому в первую очередь и адресуется эта книга, предложение «почитать Библию» покажется неожиданным. В обществе продолжают доминировать постсоветские подходы, а ведь большинство советских людей, как и я, к сожалению, долго были отлучены от Библии. Тем более интересным может стать первое прочтение этой величайшей Книги, из которой, кроме доктрины разделения властей, вытекают почти все главные идеи современной западной цивилизации.

В Книге Исход (глава 18) тесть Моисея, увидев, что все тяжбы между людьми тот решает один, посоветовал отобрать «людей, способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть» (пункт 21). Моисей последовал этому совету, отобрал способных людей, «и судили они народ во всякое время; о делах важных доносили Моисею, а все малые дела судили сами» (пункт 26). Затем отдельно от судей Моисеем были назначены священнослужители. Далее Моисей от имени Бога провозгласил знаменитые Десять Заповедей, большое количество правовых норм, регламентирующих наказания за различные уголовные преступления, а также порядок решения имущественных и семейных споров. При этом данный библейский кодекс Ветхого Завета

⁹⁶ Гальбиати Э., Пьяцца А. Указ. соч. С. 203.

⁹⁷ Вейнберг И.П. Рождение истории. М.: Наука, 1993. С. 314.

для решения споров прямо отсылает к судье. Находим мы там и от имени Бога объявленные «процессуальные нормы», адресованные самим судьям: «Не следуй за большинством на зло и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды. И бедному не потворствуй в тяжбе его... Не суди превратно тяжбы бедного твоего. Удаляйся от неправды и не умерщвляй невинного и правого, ибо Я не оправдываю беззаконника. Даров не принимай; ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых» (Исход, 33: 2, 3, 6, 7).

Мы, пожалуй, остановимся на актуальном сегодня непринятии судьями даров, чтобы следом за православным священником Александром Менем и американским историком Максом Даймонтом повторить, что библейский кодекс Ветхого Завета отличался от знаменитого Кодекса Хаммурапи тем, что в нем присутствовали понятия справедливости и равного правосудия, что позволяет рассматривать его нормы как первую в истории «Декларацию прав человека». Будучи более демократическим по своему характеру по сравнению с Кодексом Хаммурапи, законодательство Ветхого Завета, датированное XV—XIII вв. до н.э., возникло более чем на 1000 лет раньше первого письменного свода законов Египта (300 лет до н.э.) и первого письменного свода римского права (II в. до н.э.). Также оно стало первым в истории законодательством, переведенным на иностранные языки.

Говоря о терминах Библии, мы должны быть достаточно осторожны. Французский историк Марк Блок писал о двусмысленности и мнимой точности терминов: «Самые употребительные термины — всегда приблизительны. Даже термины религии, которым, как охотно думают, будто всегда свойственно точное значение... Любой важный термин, любой характерный оборот становится подлинным элементом нашего познания лишь тогда, когда они сопоставлены с их окружением, снова помещены в обиход своей эпохи, среды или автора... терминология, навязанная прошлому, непременно приводит к его искажению»⁹⁸.

⁹⁸ Блок М. Апология истории. М., 1973. С. 90–91, 94.

Это очень важное замечание мы имеем в виду, когда берем на себя смелость утверждать, что термин «судья», употребляемый в Ветхом Завете, в частности в Книге Судей и ряде других книг, имеет то главное значение, которое ему придают современные языки.

Судья — человек, который в силу особого назначения либо морального авторитета (в те времена) разрешал споры между людьми и выносил решения, которые исполнялись.

Такой авторитетный толкователь Библии как бывший Президент Израиля Хаим Герцог отмечает, что Девора была судьей и только ее суд описан в Библии. Там сказано, что Девора вершила правосудие, сидя под деревом, осуществляла его публично в гласной процедуре, что, по мнению Х. Герцога, является одним «из первых в истории случаев истинно демократического правосудия»⁹⁹. Благодаря славе справедливого судьи, Девора имела большой авторитет, поэтому к ней и обратились с просьбой об организации освободительной войны, утверждает этот авторитетный автор.

Впервые судьи в Книге Судей упомянуты в главе 2 пункт 16, но уже в пункте 17 сказано, что народ их не слушал. Из содержания пункта 19 можно понять, что смерть судьи прерывала деятельность этого института, так как он не был наследственным. Первый судья Гофониил был «воздвигнут» Богом, выиграл войну, после чего в мирное время продолжал быть судьей (Книга Судей, 3: 9–11). Как пишет Иосиф Флавий, он «получил почетную должность общественного судьи... в продолжение 40 лет нес эту обязанность»¹⁰⁰.

После него упомянуты Аод и Самегар, которые были спасителями от иноземцев. Термин «судья» в отношении них не применялся. Следующей упомянута судья Девора, которая жила на горе Ефремовой и к которой «приходили сыны Израилевы на суд» (Книга Судей, 4: 4, 5). Та обратилась к военачальнику Вараку и разработала для него стратегию и тактику войны. Далее следует «спаситель» Геден, который

⁹⁹ Герцог Хаим. Герои Израиля. СПб., 1992. С. 21.

¹⁰⁰ Иудейские древности. СПб., 1900. С. 198.

ни разу судьей не назван, упомянут узурпировавший власть Авимелех, который даже назвал себя «царем» и три года царствовал (Книга Судей, 9: 6). Был судьей 23 года Фола, живший на той же горе, где ранее жила и вершила суд Девора, после него 22 года Иаир (Книга Судей, 10: 2–5). Ни слова об их ратных и административных подвигах, а также о смуте. Видимо, все было мирно. Далее указан Иеффай, которого старейшины пригласили быть «начальником и вождем». После описания всевозможных его ратных подвигов указано, что он был судьей 6 лет до своей смерти. Поскольку нет хронологии всех войн, то до конца неизвестно, был ли он судьей после своих ратных подвигов или стал им одновременно с назначением на должность военного вождя. Текст допускает оба толкования (Книга Судей, 12: 7).

После него в качестве судей указаны Есевон (7 лет), Елон Завулонянин (10 лет) и Авдон (8 лет). Ни о каких их ратных подвигах ни слова не сказано (Книга Судей, 12: 8–15). Далее после описания всем известных ратных подвигов Самсона сказано, что он был судьей 20 лет (15: 20; 16: 31). В главах 17–21, т.е. до конца Книги Судей, описываются смутные времена без упоминания судей или вождей и т.д. с печальным финалом: «Каждый делал то, что ему казалось справедливым» (21: 25).

Уже в Первой книге Царств Ветхого Завета мы находим Илию, который «был судьей 40 лет» (4: 18). Никаких ратных подвигов не упомянуто. Следующим судьей стал знаменитый Самуил. Таким образом, из 13 персонажей, прямо названных в Библии судьями, 8 никак напрямую не связаны в тексте Библии с какими-либо военными действиями, а еще двое, наиболее знаменитые Девора и Самуил, стали судьями до начала упомянутых в Библии военных действий. Тот факт, что у некоторых судей совпадали с судейскими обязанностями военные, или провидческие, или те и другие, все равно не опровергает того, что главной их обязанностью было отправление правосудия.

Судья обеспечивал единообразие применения законов в раздробленных тогда библейских племенах и в этом смысле, конечно, был «спасителем». Можно поддержать мнение Н. Никольского, который трактует слово «судили» только

в смысле отправления правосудия. При этом он правильно отмечает, что «некоторые» из успешных военачальников продолжали и после войны пользоваться почетом и отправляли правосудие, т.е. «судили»¹⁰¹.

Следует согласиться с Я.Ф. Богородским, когда он пишет, что мы «очень мало знаем о смутном периоде судей»¹⁰². Он также справедливо считает, что в основу описания библейских историй надо класть «текст канонических книг Св. Писания как заключающий в себе безусловную истину»¹⁰³. То есть, текст надо толковать исходя, в первую очередь, из его содержания.

Обратимся еще к другим авторитетным авторам — толкователям библейских сюжетов. Так, американская исследовательница Рут Самюэле указывает, что одной из наиболее трудных задач, с которой сталкивались судьи, было поддержание единства 12 библейских племен. Далее она указывает, что когда не было сильного судьи, то обособленные племена переставали соблюдать общие законы¹⁰⁴. Не ясно только, почему Р. Самюэле утверждает, что судьи были вождями и руководили жизнью племен, а не только судили, поддерживая общие принципы установленного законодательства. И здесь мы можем увидеть довольно наглядный пример того, как краткость библейского текста и, вероятно, недостаточная исследованность Эпохи Судей подводят самых известных комментаторов. Так, Р. Самюэле утверждает, что судья Иаир отразил нападение амонитян¹⁰⁵, однако из текста Библии мы видим, что это нападение произошло после смерти судьи Иаира, а о его боевых делах вообще ничего не сказано (Книга Судей, 10: 3—9).

Мы находим расхождения с Библией у почтеннейшего и легендарного древнего историка Иосифа Флавия¹⁰⁶, который, комментируя эту часть Библии, вообще «потерял»

¹⁰¹ Древний Израиль. М.: Мир, 1913. С. 63, 64.

¹⁰² Еврейские цари. Казань, 1884. С. 11.

¹⁰³ Там же. С. 5.

¹⁰⁴ По тропам еврейской истории. Израиль, 1991. С. 20—21.

¹⁰⁵ По тропам еврейской истории. Израиль, 1991. С. 24.

¹⁰⁶ Иудейские древности. СПб., 1900.

в своем рассказе предшественника Иаира судью Фолу, в связи с чем, уже его (Иосифа Флавия) комментаторы отметили, что он в описании этого периода отступает от библейского текста¹⁰⁷.

Иосиф Флавий писал, что Гофониил «носил у греков и финикийцев имя судьи», а далее указывает, что этот исторический и библейский персонаж получил должность судьи от израильского народа¹⁰⁸.

В целом же Иосиф Флавий, который был ближе нас к событиям библейской истории почти на 2000 лет, довольно правильно, если рассматривать отдельные места его текста, понимает, что судьи в первую очередь и в основном отправляли правосудие, и в этом было их главное значение. Так, он указывает¹⁰⁹, что правителем в период судейства Деворы был военачальник Варак, который умер почти одновременно с Деворой. Что касается другого знаменитого судьи Самуила, то Иосиф Флавий писал, что Самуил дважды в год объезжал разные города и «творил там суд, чем надолго укрепил тамошнее судопроизводство»¹¹⁰.

Яркая книга «Странствия» американского исследователя Х. Потока¹¹¹ также заслуживает отдельного рассмотрения с точки зрения данной проблемы. Этот автор довольно точно определил, что и переход к Эпохе Судей и ряд эпизодов этой эпохи представляют собой «головоломки»¹¹². Отмечая, что страшное извержение вулкана Санторин было в 1200 году до н.э., а не ранее, как представляли в связи с разрушением мифической Атлантиды, Х. Поток предполагает, что разрушение морских городов и цивилизации Крита привело к появлению филистимлян в Палестине и, соответственно, создало постоянный фактор опасности для разделенных израильских племен. От этих и других врагов защищали посланные Богом «спасители, которые все были

¹⁰⁷ Там же. С. 218.

¹⁰⁸ Там же. С. 179, 198.

¹⁰⁹ Там же. С. 201.

¹¹⁰ Там же. С. 223.

¹¹¹ *Potok Ch., Wanderings*. N.Y., 1978.

¹¹² Иудейские древности. СПб., 1900. С. 119, 121.

судьями в нормальном смысле этого слова — отправители правосудия. Но не все судьи были спасителями». Далее Х. Поток замечает, что библейское слово «шофет», обозначающее судью в Библии, имеет еще и второе значение: «помогающий»¹¹³.

Судьи были различны по характеру, моральным качествам, происхождению. В тот период не было ни постоянной армии, ни других механизмов принуждения, в том числе исполнения решения, вынесенного судьей. Он недоумевает, почему не указаны конкретные действия многих судей «по спасению страны».

Х. Поток отмечает, что ничего не известно о судьях в период острейшей гражданской войны между библейскими племенами в Эпоху Судей. Здесь, кажется, уважаемый автор пошел по инерции распространенных толкований, пытаясь у каждого судьи обнаружить кроме отправления правосудия еще и ратные или управленческие заслуги.

Если учесть, что судье Самуилу библейская традиция приписывает авторство Книги Судей, то он-то наверняка знал, что означает слово «судья». Кроме того, список городов, где судил Самуил, показывает, что он вершил правосудие на территории разных племен, что подчеркивает «спасительную» функцию судьи на поддержание единообразного применения законов, а значит, в тех условиях и возможного единства библейского народа.

Самуил и так называемые «малые судьи» не были военными племенными вождями, не были и правителями в мирное время, что хорошо видно из подробного описания деятельности того же Самуила. В Библии отсутствует любое упоминание о любой властной управленческой деятельности в мирное время любого судьи из числа упомянутых в Книге Судей. Утверждать обратное — это навязывать (пусть и традиционное) толкование Библии и, может быть, даже исказить ее смысл, о чем предупреждал Спиноза. Как можно рассматривать судей вождями в мирное время, если в Библии сказано, что народ их «не слушал», а значит, у

¹¹³ Там же. С. 131.

них не было характерного для любой управленческой властной функции механизма принуждения.

Жизнь судьи и пророка Самуила описана подробно начиная с рождения. Поэтому никто из комментаторов не спорит, что Самуил не был военачальником, а выполнял функции судьи, причем в разных городах. Пророческий дар и судейские функции Самуила органично дополняли друг друга в те времена судебных оракулов и вплетения религиозных обрядов в судебный процесс. Даже если между строк библейского текста и затерялись его административные функции, то после помазания и избрания первого библейского царя они отошли к последнему. Известно также, что одной из причин возникновения идеи об избрании царя было то, что сыновья Самуила, которым он в свои преклонные годы доверил рассмотрение судебных дел, брали взятки и «судили превратно» (Первая книга Царств, гл. 8).

Самуил пытался отговорить народ от избрания царя, описывал негативные стороны монархии, которые легко были видны на примерах соседних государств, но народное собрание настояло на своем. Как считают современные историки, военная угроза была в это время очень велика, и поэтому авторитет судьи был уже явно недостаточен, чтобы объединить силы всех племен. Ведь во время предыдущих войн, описанных в Книге Судей, только судье Деворе удалось добиться объединения шести из двенадцати племен для отпора внешнему врагу. В других случаях объединялись одно-два племени. Поэтому для создания монархии существовали ясные военно-административные, а также и финансово-экономические резоны (сбор десятой части имущества, скота, урожая, о которых предупреждал в своей речи на народном собрании Самуил).

С точки зрения выведения из библейского текста основ доктрины разделения властей очень важны следующие события. Судья Самуил по поручению Бога помазал на царство Саула. Одного этого факта, подчеркивающего не только равноправие, но скорее первичность суда перед лицом монарха, судебной власти перед исполнительной властью, было бы достаточно для доказательства библейского происхождения доктрины разделения властей. Однако по-

следующие события дают этому еще большее подтверждение. Самуил не ушел «на пенсию» после воцарения Саула. Более того, когда Саул, нарушив заповедь, самостоятельно исполнил религиозный обряд и нарушил прямое указание Самуила, то судья по воле Бога тайно помазал на царство Давида и предрек Саулу, что его потомки не унаследуют престол, что и случилось впоследствии. Мы позволили себе назвать это «библейским Уотергейтом», сравнив с ситуацией 1974 года, когда Верховный Суд США решил судьбу Президента США Никсона, вынужденного после этого уйти в отставку. Линия на ограничение абсолютной власти монарха через судебную власть как раз и стала одной из тех «силовых линий огромного значения», которые, по определению французского историка М. Блока, пронизывают тысячелетия, выстраивая от древнего к современному цепь сходных феноменов человеческой истории. Библейское происхождение доктрины разделения властей, совпадающее со временем Самуила, Саула и Давида, может быть датировано годом смерти Саула, после которой Давид стал царем, а значит, было исполнено решение Самуила. Зарождение доктрины разделения властей произошло тогда, когда судебная власть была признана наделенной таким же божественным началом, как и царская исполнительная власть, признана равной этой власти, а в библейском варианте еще и первичной по отношению к царской власти. Не узурпатор Авимелех, объявивший себя царем и продержавшийся три года, стал первым царем израильским, а Саул, помазанный по поручению Бога судьей Самуилом. Сейчас, когда Президент США приносит клятву и входит в должность перед лицом Председателя Верховного Суда США, библейская история как бы оживает и глава судебной власти вводит в должность нового главу исполнительной власти.

Независимость, самостоятельность, порой первичность судебной власти перед лицом власти исполнительной формируют вместе важнейший элемент доктрины разделения властей. Вторую ее главную составляющую — разделение и примерное равноправие царя и народного собрания или совета старейшин (исполнительной и законодательной власти) — можно найти во всемирной истории задолго до

времени судьи Самуила и царя Саула. Но доктринальная жизнь разделения властей начинается именно с этой библейской истории, утвердившей равноправие и божественное начало судейской власти.

Здесь нет никакой натяжки. В изданной за 90 лет до Уотергейта книге автора конца XIX века писал:

Если бы, например, североамериканцы по какому-нибудь случаю были принуждены преобразовать своего президента в конституционного монарха, то мы легко можем вообразить, какую бы бурю они подняли, если бы их новый монарх как-нибудь соблазнился посягнуть на один из параграфов конституции. Не сказали бы ему, подобно Самуилу: «Долой с престола!» Строгость Самуилова суда еще более будет для нас понятною, когда мы обратим внимание на частности Саулова поступка... Саул осмелился самолично приносить жертву (т.е. совершать религиозный обряд. – П.Б.), на что он не имел ни малейшего права. Это произвол ничем не оправданный¹¹⁴.

Кстати, если требования Десяти Заповедей распространить на восточного монарха библейского (да и более позднего) времени, то они приобретают конституционное содержание. Знаменитый царь-герой Давид был лишен права построить храм в Иерусалиме как раз за то, что пожелал жены ближнего своего. Президент США Билл Клинтон в конце прошлого столетия едва не был отстранен от должности за внебрачную связь и ложь для ее сокрытия. (Не прелюбодействуй, не лги.)

Права человека на жизнь, сохранность имущества, защиту от лжесвидетельства, уважение к старости, а также еженедельный отдых носят ясный конституционный характер.

Отец Георгий Чистяков писал в своей книге «Пятикнижие: дорога к свободе»: «Если мы сравним это положение о субботе ветхозаветного закона с тем, что имеется в законах других стран Древнего Востока, нигде в другом месте мы не найдем этого принципа, этого требования:

¹¹⁴ Богородский Я.А. Еврейские цари. Казань, 1884.

«чтобы отдохнул раб твой»... Библия вообще неисчерпаема. Сколько ни читаешь библейский текст, все время в нем обнаруживается что-то новое и абсолютно неожиданное. Иногда не можешь даже понять, как успели высохнуть чернила с этой Книги на этой странице — настолько новым звучит то, что прочитал»¹¹⁵.

До тех пор, пока при жизни моего поколения летом 1974 года не завершилось Уотергейтское дело, комментаторам Библии было трудно в полной мере оценить значение библейских корней независимости судебной власти и доктрины разделения властей.

Подтверждением предложенного нами подхода к изучаемой проблеме является «Новый комментарий к Библии. Издание XXI века», подготовленное ведущими теологами Великобритании и США¹¹⁶. Его авторы пишут, что Моисей в «Исходе» установил иерархическую структуру для решения споров и назначил отбираемых по способностям и моральным качествам судей¹¹⁷, которые позднее в условиях децентрализации Эпохи Судей «спасали» племена как участием в военных действиях, так и поддержанием единого законодательства¹¹⁸. Далее авторы утверждают, что после того как Саул стал царем, Самуил определенно сохранил свою позицию в качестве судьи¹¹⁹. Спокойный, ясный комментарий, о котором Архиепископ Кентерберийский Джордж Кари написал, что он позволяет глубже понять Библию.

Многие отцы-основатели и авторы Конституции США были воспитаны на Библии, читали Ветхий Завет в оригинале, и поэтому, как отмечает М. Даймонт, ряд ученых придерживается мнения, что американская конституция скопирована не столько с греческой демократии, сколько с государства Эпохи Судей¹²⁰.

¹¹⁵ Чистяков Георгий. Пятикнижие: дорога к свободе. М., 2011. С. 188, 189.

¹¹⁶ New Commentary to the Bible, 21st Century. Inter-Vareity Press, Illinois, 1994.

¹¹⁷ Op. cit. P. 106.

¹¹⁸ Op. cit. Pp. 261–262.

¹¹⁹ Op. cit. Pp. 309, 321.

¹²⁰ Евреи, Бог и история. М., 1994. С. 53.

Греческие и древнеримские «прецеденты» были для отцов-основателей США важны не менее чем труды Локка и Монтескье. Томас Джефферсон специально писал о значении «прецедента в истории Рима», на который ссылались в те времена¹²¹. Не меньшее, а, скорее, большее значение для основателей и их отцов-пуритан имели библейские предписания. «Пуритане вдохновлялись Ветхим Заветом. Нельзя понять американский федерализм как великий эксперимент вне связи с его метафизическими предпосылками», — пишет известный американский ученый Винсент Остром¹²².

Добавим, что не только федерализм, но и весь американский конституционализм требует такого подхода. Рискну сказать, что далеко не все члены Конституционного конвента 1787 года, подписавшие Конституцию США, читали книги Аристотеля, Платона, Локка и Монтескье, но поручусь, что каждый из них хорошо знал Ветхий Завет.

Умение американцев удачно синтезировать и воспринимать любые, в том числе и конституционные, идеи доказывает знаменитая фраза, открывающая Конституцию США: «Мы, народ...», которая почти дословно была заимствована отцами-основателями США из договора шести ирокезских племен, о чем не знают даже многие специалисты. Кстати, более точный перевод слов «We, reople...» будет таким: «Мы, люди...», что означает введение Основного Закона от имени каждого индивидуума, а не от некой полуабстрактной общности людей. Я специально уточнил это с известным американистом и главным переводчиком Конституции США (совместно с моим учителем Августом Алексеевичем Мишиным) Василием Власихиным.

Возможность ориентироваться на букву Ветхого Завета позволяет нам больше не обращаться по данному вопросу к бесчисленным комментариям, накопившимся за тысячи лет. Здесь мы последуем совету Экклезиаста: «А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много

¹²¹ Джефферсон. Автобиография. Заметки о штате Вирджиния. Л., 1990. С. 204.

¹²² Смысл американского федерализма. М., 1993. С. 74–75, 86.

книг — конца не будет, а много читать — утомительно для тела» (Экклезиаст, 12: 12).

Особую роль Самуила, который сочетал в себе функции судьи, пророка, первосвященника, предсказал Моисей, когда заявил народу: «Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь, Бог твой, — Его слушайте» (Второзаконие, 18: 15). Поэтому неудивительно, что именно Самуил дополнил конституцию Моисея: «И изложил Самуил народу права царства, и написал в книгу» (Первая книга Царств, 10: 25).

Бывший иезуит Джек Майлс, получивший Пулитцеровскую премию за книгу «Биография Бога», отметил, что Моисей был осторожно нейтральным по отношению к институту монархии¹²³. Он допускал введение монархии только через избрание царя, исключая избрание чужеземца в качестве израильского монарха. И здесь мы видим отсылку Моисея к той Библейской Конституции, которую должен был написать через несколько веков судья Самуил (Второзаконие, 17: 18—20):

Но когда он сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников левитов,

и пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии;

Чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля.

То есть речь идет о такой выписке из священных текстов, которые относятся к обязанностям и правам монарха. При этом такая выписка должна быть отдельной книгой (свитком). Здесь я хотел бы поддержать идею Библейской Конституции как единого и отдельного документа, выработанного во времена судьи Самуила, не исключая воз-

¹²³ Miles J. God. A Biography. N.Y., 1996. Pp. 1, 167.

возможность версии Р.А. Папаяна¹²⁴ о вероятности создания такого документа в более раннем периоде времени при непосредственном последователе Моисея — лидере библейского народа Иисусе Навине.

Древнееврейское слово *mišpat* переведено как «права царства», хотя у Моисея, текст которого, как отмечал Спиноза, в первую очередь относится к правам библейской монархии, речь идет об обязанностях (Второзаконие, 17: 16–20). Обязательность использования текста Моисея для Самуила при написании книги не вызывает сомнения. Значит, правильнее сказать, что *mišpat* здесь лучше перевести как права и обязанности. Роберт Полцин в своем основательном труде «Самуил и Детерономист» считает, что сам текст написанной Самуилом книги, к которому он почему-то (как и многие другие авторы) не применяет предшествующие предначертания об обязанностях царя, не может быть понят без сохранения сдержек монархической власти, вытекающих из деятельности Самуила как пророка и судьи¹²⁵. Полцин, кроме того, переводит слово *mišpat* как «обычай и манеру действия» царской власти в его, как он считает, «юридическом значении»¹²⁶.

При этом Полцин все же мягко критикует Б. Халперна, автора книги «Конституция монархии в Израиле», за настойчивость в применении именно юридического перевода слова *mišpat*¹²⁷. По мнению Полцина, этот автор не ответил на вопрос, почему предполагаемый текст написанной Самуилом книги не включал ограничений царской власти¹²⁸.

Вероятно, Полцин просто не учел, что ограничения монархической власти, заранее предписанные Моисеем за три столетия до Самуила, были всем известны и поэтому Самуил специально не напоминал о них народу, но, конечно,

¹²⁴ Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М., 2002. С. 192.

¹²⁵ Polzin R. Samuel and the Deutekononist. P. II. Indianapolis, 1993. Pp. 86–89.

¹²⁶ Op. cit. P. 86.

¹²⁷ Halpern B. Constitution of the Monarchy in Israel. Decatur, G.A, 1981. P. 224.

¹²⁸ Polzin R. Op. cit. P. 243.

обязательно записал в книгу, которую мы называем Первой писаной Конституцией Мира. Хотелось бы здесь привести дорогое для меня высказывание крупнейшего специалиста по библейским текстам директора Института семитских исследований Принстонского университета профессора Эфраима Исаака, который поддержал с лингвистической точки зрения, что *mišrat* нужно перевести на современный язык именно как «конституция»¹²⁹.

Г. Г. Арутюнян, Председатель Конституционного Суда Республики Армения, пишет:

Понятие «конституционализм» является выражением сложной и многофункциональной характеристики социокультурной общности в отношении ценностных ориентиров, фундаментальных принципов и структурообразующих подходов функционирования данной системы. Это понятие, в первую очередь, имеет нравственные и духовные корни, проявляет духовное бытие человека. Духовность права коренным образом «скорректирует» смысл и содержание практически всех фундаментальных правовых понятий. При этом, как бы ни развивалась правовая мысль, истоки права остаются неизблемыми и восходят к рождению человека. Раскрытие библейского видения фундаментальных понятий современного права, опирающееся на весь библейский материал, вбирающий и Ветхий, и Новый Заветы, особенно на фоне теологического нигилизма в вопросе современного мировосприятия, – единственный путь преодоления бездуховности правового сознания. А это очень важно, так как бездуховные стандарты глубоко внедрялись в сознание людей в современном мире и стали важной мотивацией их социального поведения»¹³⁰.

Старейшая из известных миру писаных конституций была составлена судьей Самуилом на базе текста, заветчанного Моисеем, около 3000 лет тому назад, о чем в тексте Ветхого Завета имеется четкая запись: «И изложил Самуил народу права царства, и написал в книгу, и положил пред

¹²⁹ Библия и Конституция. М., 1998. С. 79.

¹³⁰ Философия права Пятикнижия. С. 76.

Господом» (Первая книга Царств, 10: 25). В английской канонической версии этот параграф отнесен к Первой книге Самуила, в иудейской версии — к Книге Самуила. В некоторых вариантах английской версии вместо слова «книга» иногда употребляют слово «свиток», что соответствует технике письма и практике того времени, поскольку и более близкие к нам по времени книги, вошедшие в Библию, записывались на свитках пергамента или кожи. Текст Конституции, составленной Самуилом, до нас не дошел, как не сохранились (либо не найдены до сих пор) и некоторые другие книги, упомянутые в Библии, как, например, Книга деяний царя Соломона, канувшая в Лету. Содержание первой в мире писаной конституции можно в значительной степени восстановить, используя другие части библейского текста, бесспорно относящиеся к содержанию этого бесценного для конституционалистов текста первого Основного Закона. Не так давно археологи в Иерусалиме обнаружили древнейшие тексты, подтверждающие царствование Давида. Конечно, я говорю о Конституции, написанной Самуилом, как о первом известном конституционном тексте, ограничивающем права государства перед обществом и человеком, а не как о современном тексте, составленном по правилам общепринятой юридической техники и известном миру только со времени принятия Конституции США в 1787 году.

Сформированные Моисеем идеи независимого профессионального суда и ограниченной законом исполнительной власти заложили конституционные основы демократии. Там, где конституция страны становится Библией гражданского общества, там строится правовое государство с его главными целями: мир, счастье и процветание, говоря словами Конституции России — правовое государство.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Михайлович Лебедев пишет:

Сказано было давно: «Если будет тяжба между людьми, то пусть приведут их в суд и рассудят их: правого пусть оправдают, а виновного осудят. И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушайте братьев ваших и судите справедливо как брата с братом, так и пришельца его. Не различайте лиц на суде, как малого, так и великого

выслушайте: не бойтесь лица человеческого, ибо суд – дело Божие; а дело, которое для вас трудно, доведите до меня, и я выслушаю его».

А потом кратко написано в современных конституциях Мира: «Все равны перед законом и судом. Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия».

Кажется, века лежат между библейскими словами и сухими формулировками современных Законов, но в то же время очевидна актуальная созвучность норм Библии и Конституции... Верю, что мы преодолеем трудную дорогу строительства российского правового государства, где суд займет подобающее его библейскому происхождению место, а нормы Конституции России станут столь же святыми, как и слова Библии¹³¹.

С точки зрения конституционного подхода в Ветхом Завете с Моисеем сравнима фигура судьи Самуила – соавтора первой Библейской Конституции.

Попытаемся строго по библейскому тексту реконструировать книгу Моисея-Самуила – первую писаную Конституцию Мира, где должны были быть права царя, описанные им перед введением монархии, где 10-процентный налог выглядит не так уж плохо по сравнению с современными налоговыми аппетитами государства и является не только повинностью, но и ограничением размера изъятий. Разумеется, там же должны были оказаться и ограничения царской власти, предписанные еще Моисеем. Предположение, что первой Библейской Конституцией могло быть целиком все Пятикнижие, не учитывает объем книги (свитка), который ежедневно должен был перечитывать царь, а эта указанная Моисеем обязанность не могла не относиться к тексту, составленному Самуилом.

Как минимум, первая Конституция содержала следующие статьи, где описаны права и обязанности царя, приводимые в цитатах из Ветхого Завета.

¹³¹ Философия права Пятикнижия. С. 515.

Первая книга Царств, 10: 25. И изложил Самуил народу права царства, и написал в книгу, и положил пред Господом.

12:13. Итак, вот царь, которого вы избрали, которого вы требовали: вот, Господь поставил над вами царя.

14. Если будете бояться Господа, и служить Ему, и слушать гласа Его, и не станете противиться повелениям Господа, то будете и вы и царь ваш, который царствует над вами, ходить вслед Господа, Бога вашего;

25. если же вы будете делать зло, то и вы и царь ваш погибнете.

8: 11. ...вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и поставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать перед колесницами его;

12. и поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его;

13. и дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы;

14. и поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет, и отдаст слугам своим;

15. и от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евнухам своим и слугам своим;

16. и рабов ваших и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет и употребит на свои дела;

17. от мелкого скота вашего возьмет десятую часть; и сами вы будете ему рабами...

Второзаконие, 17: 15. ...то поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою царем иноземца, который не брат тебе.

16. Только чтоб он не умножал себе коней и не возвращал народа в Египет для умножения себе коней, ибо Господь сказал вам: «Не возвращайтесь более путем сим»;

17. и чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его, и чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно.

18. Но когда он сядет на престол царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников левитов,

19. И пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научился бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии;

20. чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля.

Таков мог быть минимальный набор предписаний Конституции в свитке, написанном Судьей Самуилом. Однако можно предположить, что в текст Конституции могли быть включены и другие нормы. Будем надеяться, что, в первую очередь, конечно, такие, которые в современном звучании можно назвать Биллем о правах.

Второзаконие, 7: 11. Итак, соблюдай заповеди и постановления и законы, которые сегодня заповедуют тебе исполнять.

11: 19. И учите им сыновей своих, говоря о них, когда ты сидишь в доме твоём, и когда идешь дорогою, и когда ложишься и когда встаешь;

11: 20. и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих.

Исход, 22: 28. Судей не злословь и начальника в народе твоём не поноси.

Второзаконие, 1: 16. И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: вы-слушивайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его;

1: 17. не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте: не бойтесь лица человеческого, ибо суд – дело Божие; а дело, которое для вас трудно, доводите до меня, и я выслушаю его.

25: 1. Если будет тяжба между людьми, то пусть приведут их в суд и рассудят их, правого пусть оправдают, а виновного осудят;

2. и если виновный достоин будет побоев, то судья пусть прикажет положить его и бить при себе, смотря по вине его, по счету;

3. сорок ударов можно дать ему, а не более, чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен пред глазами твоими.

16: 18. Во всех жилищах твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе, поставь себе судей и надзирателей по коленам твоим, чтоб они судили народ судом праведным;

19. не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых...

Исход, 20: 13. Не убивай.

21: 12. Кто ударит человека, так что он умрет, да будет предан смерти;

13. но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать убийце;

14. а если кто с намерением умертвит ближнего коварно, то и от жертвенника Моего бери его на смерть.

Второзаконие, 17: 6. По словам двух свидетелей, или трех свидетелей, должен умереть осуждаемый на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля;

рука свидетелей должна быть на нем прежде всех, чтоб убить его, потом рука всего народа; и так истреби зло из среды себя.

Если по какому делу затруднительным будет для тебя рассудить между кровью и кровью, между судом и судом, между побоями и побоями, и будут несогласные мнения в воротах твоих, то встань и пойдя на место, которое избрет Господь, Бог твой,

и приди к священникам левитам и к судье, который будет в те дни, и спроси их, и они скажут тебе, как рассудить;

и поступи по слову, какое они скажут тебе, на том месте, которое избрет Господь, и постарайся исполнить все, чему они научат тебя;

по закону, которому научат они тебя, и по определению, какое они скажут тебе, поступи и не уклоняйся ни направо, ни налево от того, что они скажут тебе.

А кто поступит так дерзко, что не послушает священника, стоящего там на служении пред Господом, Богом

твоим, или судьи, тот должен умереть, – и так истреби зло от Израиля;

и весь народ услышит и убоится, и не будут впредь поступать дерзко.

19: 2. Тогда отдели себе три города среди земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе во владение;

4. И вот какой убийца может убежать туда и оставаться жив: кто убьет ближнего своего без намерения, не быв врагом ему вчера и третьего дня;

5. кто пойдет с ближним своим в лес рубить дрова, и размахнется рука его с топором, чтобы срубить дерево, и соскочит железо с топорница и попадет в ближнего, и он умрет, – такой пусть убежит в один из городов тех, чтоб остаться живым...

10. Дабы не проливалась кровь невинного среди земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе в удел, и чтобы не было на тебе вины крови.

11. Но если кто будет врагом ближнему своему и будет подстерегать его, и восстанет на него и убьет его до смерти, и убежит в один из городов тех,

12. то старейшины города его должны послать, чтобы взять его оттуда и предать его в руки мстителя за кровь, чтобы он умер;

13. да не пощадит его глаз твой; смой с Израиля кровь невинного, и будет тебе хорошо.

Исход, 20: 12. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

21: 15. Кто ударит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти.

17. Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти.

20: 17. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

Исход, 20: 14. Не прелюбодействуй.

Второзаконие, 21: 11. И увидишь между пленными женщину, красивую видом, и полюбишь ее, и захочешь взять ее себе в жену,

12. *то приведи ее в дом свой, и пусть она острижет голову свою и обрежет ногти свои,*

13. *и снимет с себя пленническую одежду свою, и живет в доме твоём, и оплакивает отца своего и мать свою в продолжение месяца; и после того ты можешь войти к ней и сделаться ее мужем, и она будет твоею женою;*

14. *если же она после не понравится тебе, то отпусти ее, куда она захочет, но не продавай ее за серебро и не обращай ее в рабство, потому что ты смирил ее.*

Исход, 21: 20. *А если кто ударит раба своего, или служанку свою палкою, и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан;*

26. *Если кто раба своего ударит в глаз, или служанку свою в глаз, и повредит его, пусть отпустит их на волю за глаз.*

27. *И если выбьет зуб рабу своему, или рабе своей, пусть отпустит их на волю за зуб.*

20: 15. *Не кради.*

22: 7. *...и они украдены будут из дома его, то, если найдется вор, пусть он заплатит вдвое;*

8. *а если не найдется вор, пусть хозяин дома придет пред судей и поклянется, что не простер руки своей на собственность ближнего своего.*

9. *О всякой вещи спорной, о воле, об осле, об овце, об одежде, о всякой вещи потерянной, о которой кто-нибудь скажет, что она его, дело обоих должно быть доведено до судей: кого обвинят судьи, тот заплатит ближнему своему вдвое.*

20: 16. *Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.*

Второзаконие, 19: 15. *Недостаточно одного свидетеля против кого-либо в какой-нибудь вине, и в каком-нибудь преступлении, и в каком-нибудь грехе, которым он согрешит: при словах двух свидетелей или при словах трех свидетелей состоится дело.*

16. *Если выступит против кого свидетель несправедливый, обвиняя его в преступлении,*

17. *то пусть предстанут оба сии человека, у которых тяжба, пред Господа, пред священников и пред судей, которые будут в те дни;*

18. судьи должны хорошо исследовать, и если свидетель тот свидетель ложный, ложно донес на брата своего,

19. то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему; и так истреби зло из среды себя;

27: 14. Левиты возгласят и скажут всем израильтянам громким голосом:

26. Проклят, кто не исполнит слов закона сего и не будет поступать по ним! И весь народ скажет: аминь.

Полностью или частично нам удалось восстановить по книгам Ветхого Завета содержание свитка судьи Самуила — Первой Конституции Мира, мы, да и никто другой, не можем ответить с какой-то определенностью. Может быть, эта книга еще будет найдена, как полвека назад были найдены Свитки Мертвого моря, содержащие записи библейских текстов. Все же мы можем сказать, что конституционный текст Самуила не сгорел в огне мировых пожаров последних трех тысячелетий и продолжил диалог с нашими современниками.

Поэтому хочется к пронзительно-верному, но слишком задорному булгаковскому «рукописи не горят» добавить достигающие библейского совершенства строки Иосифа Бродского:

*Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острие и усеченный волос –
Бог сохраняет все; особенно – слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.
В них бьется рваный пульс,
в них слышен костный хруст,
И заступ в них стучит; ровны и глуховаты,
затем что жизнь – одна, они из смертных уст
звучат отчетливей, чем из надмирной ваты.*

Петр Давидович Баренбойм

ТРАКТАТ
О БИБЛЕЙСКОМ НАЧАЛЕ
ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Редактор Ирина Гулер
Редактор-консультант Семен Тартаковский

Шеф-редактор М. Миронова
Художественное оформление М. Миронова
Корректор С. Поварова
Цветокорректор С. Сухоцкая
Верстка, пре-пресс С. Прока

Подписано в печать 19.09.2012
Формат 70x100/16
Бумага офсетная 80 г/м²
Печать офсетная. Объем 7,25 усл. п. л.
Тираж 700 экз.

Издательство ЛУМ/LOOM
109387, Москва, ул. Люблинская, 42

Отпечатано в типографии
"Ярославский печатный двор"
г. Ярославль, Полушкина роща, 9

ISBN 978-5-906072-03-0

Право заключает в себе нечто божественное — разве эта сквозная для Библии мысль не является в высшей степени ценной в том числе и для тех, кто мыслит философски, не скован конфессиональным буквализмом? Словом, даже при поверхностном взгляде видно, что постановка вопроса о библейских истоках права и философии права вполне оправдана.

А.А. Гусейнов
Академик, директор Института
философии РАН

Стране нужны не просто грамотные профессионалы, ей нужны честные и добросовестные (в подлинном, первоначальном смысле этого слова) судьи, способные вершить суд по праву. В этом плане представляются плодотворными и социально значимыми усилия тех ученых, которые обращаются в своих исследованиях к библейским истокам доктрины независимости судебной власти перед лицом власти исполнительной.

В.Д. Зорькин
Председатель
Конституционного суда РФ

Книга известного московского адвоката Петра Баренбойма "Первая Конституция Мира. Библейские корни независимости суда" выходит в свет более чем своевременно... Обсуждаемая идея библейских корней независимости суда позволяет по новому взглянуть на природу судебной власти и перспективы ее развития. Особенно впечатляет, что эта новая для правоведения и богословия идея родилась на российской почве.

В.М. Лебедев
Председатель Верховного суда РФ
(из предисловия к книге
П.Д. Баренбойма "Первая
Конституция Мира. Библейские
корни независимости суда", М, 1997)

Концепция библейского происхождения доктрины разделения властей и независимости судебной власти, выдвинутая П.Д. Баренбоймом, является важной не только сама по себе, но и как свидетельство того значения, какое в современной России приобретает сильная и эффективная судебная власть.

В.Ф. Яковлев
Экс-Председатель Высшего
Арбитражного суда РФ